

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра журналистики и литературоведения

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ К. В. Анисимов
« _____ » _____ 2022 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ЮБИЛЕЙНАЯ СТАТЬЯ О ПИСАТЕЛЕ: ИСТОРИЯ И ДИНАМИКА
ЖАНРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПЕРИОДИКИ XIX–XXI ВВ.)**

42.04.02 Журналистика

42.04.02.02 Медиатехнологии и менеджмент средств массовой информации

Руководитель	_____ д-р филол. наук, доц.	Е. Е. Анисимова
Выпускник	_____	В. Е. Коровкина
Рецензент	_____ канд. филол. наук	В. В. Чекушин
Нормоконтролёр	_____ ст. преп.	Д. А. Устюжанина

Красноярск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1 Юбилейная статья о писателе в системе жанров биографики, журналистики и литературной критики.....	9
1.1 Теоретико-методологические подходы к изучению юбилейных статей.....	9
1.2 Юбилейная статья в XIX веке: структура и функции жанра.....	17
1.3 Юбилейная статья как инструмент конструирования литературной репутации	36
Выводы по главе 1.....	49
2 Юбилейная статья в XX–XXI вв.: поэтика и идеология	51
2.1 Период после классики	51
2.2 Писательские юбилеи в СССР и в эмиграции: 1920–1970-е годы ...	57
2.3 Перестроечная и постсоветская ситуации	65
Выводы по главе 2.....	69
Заключение	72
Список использованных источников	74

ВВЕДЕНИЕ

Традиция чествовать знаковые для отечественной литературы фигуры сформировалась больше столетия назад, и теперь без празднования юбилея того или иного автора сложно представить историю современной культуры. Данная работа посвящена выявлению роли такого значимого события, как юбилей писателя, и специфики его освещения в российских периодических изданиях XIX–XXI вв. Тема подразумевает системное осмысление как теории, так и истории жанра. С одной стороны, исследование юбилейных статей о писателях поможет определить их место в системе жанров русской литературной критики, проследить динамику их развития, с другой – сформировать комплексный подход к изучению подобных текстов. Ключевой тезис исследования состоит в том, что юбилейная статья в нашей стране сформировалась на почве таких протожанров, как похвала (панегирик) и хула, и в дальнейшем развивалась на стыке литературных и биографических жанров, став впоследствии формой рецепции писательского наследия России.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, возросшим интересом современной филологии к вопросам формирования и развития литературных жанров. Теория жанра в отечественном литературоведении представлена в работах Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпы, С. Н. Бройтмана, Д. М. Магомедовой и др.

Во-вторых, изучение жанра юбилейной статьи поможет прояснить динамику писательских репутаций во времени. Этот жанр утвердил своё право на существование всей логикой развития российской прессы (особенно советских времен), но ещё не стал предметом специального научного рассмотрения. Тем не менее он представляет несомненный интерес в силу сосредоточения в нём фактов не только историко-литературного плана, но и широчайшего спектра социокультурных, политических, нравственных и психоментальных свойств эпохи. К проблеме литературной репутации в России впервые обратился И. Н. Розанов. В рамках современной научной

парадигмы феномен литературной биографии был осмыслен Ю. М. Лотманом, М. Б. Плюхановой, А. К. Жолковским, В. И. Тюпой, Б. В. Томашевским. Интерес к данной проблеме проявляли и отечественные социологи Б. В. Дубин и А. И. Рейтблат, однако понять функциональное значение этого жанра в процессе культурного развития и выяснить роль литературоведческой науки в его становлении и канонизации исследователям пока не удавалось.

В-третьих, обращаясь к юбилейной статье как к некому «воспоминанию» о прошлом, любопытно проследить за эволюцией композиционно-стилистической модели жанра, а также за спецификой взаимоотношений автора, героя и читателя как внутри газетного материала, так и за его пределами.

Итак, несмотря на плодотворность отдельных наблюдений, посвящённых юбилейным статьям, в частности указания на их функциональную значимость в культурологическом аспекте, углубленность в специфику типологических особенностей этого жанра представляется недостаточной.

В диссертации впервые будет предпринята попытка проанализировать широкий пласт центральных и провинциальных изданий с целью проследить появление и трансформации жанра юбилейной статьи, а также уточнить и классифицировать его типологические признаки. Таким образом можно определить научную **новизну** работы.

Объектом исследования является жанровая поэтика русской литературной критики.

Предмет исследования – жанр юбилейной статьи о писателе в русской периодике XIX–XXI вв.

Цель исследования – конкретизация положения и выявление роли юбилейных статей о писателях в системе жанров русской литературной критики и в социальном поле национальной словесности как института. Достижение указанной цели предусматривает решение следующих **задач**:

- 1) систематизировать ключевые теоретико-методологические подходы к изучению литературных юбилеев и посвящённых им статей;
- 2) собрать литературно-критические и документальные материалы, посвящённые писательским юбилеям XIX–XXI вв.;

3) проследить генезис и историю жанра юбилейной статьи о писателе в России;

4) описать структуру и выявить функции жанра юбилейной статьи о писателе, обозначить его основные особенности;

5) исследовать закономерности конструирования литературных репутаций писателей-юбиляров;

б) описать причины актуализации имени писателя-юбиляра в историко-культурном контексте эпохи.

В рамках исследования предложен такой взгляд на жанры юбилейной статьи и биографии, который позволяет рассматривать их не только сквозь призму деятельности конкретного писателя, но и как конкретным образом реализованную словесную стратегию, где социальное является одновременно и предметом изображения, и формой репрезентации. Речь идёт о подходе к биографии, сложившемся в 20-х гг. XX в. и связанном с идеями М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана и П. Бурдьё. Синтез социологических методов и подходов, применяемых в коммуникативистике, с нашей точки зрения, поможет преодолеть дихотомию «литература – культура». В настоящей работе изучение жанра юбилейной статьи будет идти в двух направлениях: с одной стороны, предполагается выработка общей методики анализа юбилейных статей, с другой – обзор конкретных материалов, рассматриваемых как с точки зрения их структурных аспектов, так и в качестве своеобразной коммуникативной практики, подразумевающей наличие адресата и адресанта. Таким образом, на уровне анализа использовались компаративный и биографический методы, социология литературы, а также историческая поэтика жанров.

Теоретическую основу работы составляют труды, в которых представлены различные подходы к пониманию юбилейной статьи как жанра. Многоаспектный характер предмета исследования предопределил обращение как к теориям в области культурологии и литературоведения, так и к науке о мифе.

Интересен тот факт, что среди трудов, посвящённых исследованию юбилеев, существует немалое количество изысканий, которые в той или иной степени затрагивают механизмы конструирования поэтической биографии писателя. Работы по этой проблематике принадлежат в основном отечественным литературоведам, в частности И. Н. Розанову, И. И. Рущинской, Е. Е. Анисимовой, Я. В. Быстрову, Д. Я. Калугину, С. В. Мельникову. Д. А. Богач рассматривает юбилей сквозь призму идеологии. Обращение к проблемам взаимоотношения литературы и власти характерно и для трудов Е. А. Добренко, Е. Э. Ляминой. Важное место в контексте работы занимают и труды Г. Н. Боевой, Б. В. Дубина, А. Г. Евтушенко, В. Е. Солдаткина, М. А. Черняк, посвящённые изучению литературного юбилея как социокультурного феномена. Определённый интерес к эволюции жанра литературной критики прослеживается в изысканиях М. В. Михайловой, Ф. С. Назаралиевой, Д. В. Славинской.

В целом в работах учёных, так или иначе затрагивавших тему писательских юбилеев, можно рассмотреть некоторые сходства. Во-первых, большинство исследователей при описании жанра юбилейной статьи предпочитают обращаться к понятию литературной биографии, уделяя немного внимания особенностям юбилея как такового. Во-вторых, недостаточная разработанность проблемы литературного юбилея, часто встречающаяся в работах по истории журналистики, сводит практически все конкретные изыскания к фрагментарному анализу отдельных особенностей данного феномена при явном недостатке детального рассмотрения как самих его элементов, так и процесса их взаимодействия.

Материал диссертации составили юбилейные статьи о русских писателях, опубликованные на страницах крупнейших литературных и общественно-политических газет, среди которых «Московские ведомости», «Северная пчела», «Новое время», «Литературная газета», а также основных толстых журналов – «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское слово» и др. Отбор текстов определялся в первую очередь их репрезентативностью в жанровом отношении.

Хронологические рамки работы включают в себя источники, созданные в интервале с первой половины XIX в. по 20-е гг. XXI в., когда биографическая традиция, состояние книжного рынка, прессы, общества и публичной дискуссии претерпевают кардинальные изменения. Наиболее интересным временем в контексте исследования стал XIX век, во многом определивший важные этапы истории общества. В связи с тем, что в рамках магистерской диссертации невозможно рассмотреть все интересующие нас публикации, мы сосредоточились на материалах, которые помогут определить ключевые изменения, происходившие в образцах жанра юбилейной статьи на ступени его становления и развития.

Теоретическая значимость исследования состоит в постановке проблемы о месте юбилейной статьи в жанровой системе русской литературы и журналистики. Определив культурно-исторический контекст эпохи, в котором формировался жанр юбилейной статьи, обозначив общие структурные элементы проанализированных текстов, можно сформировать методологическую основу для дальнейшего изучения трансформации жанра. Выводы, полученные в результате работы, способствуют пониманию роли юбилейной статьи в социальном поле литературы.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении и систематизации знаний о жанре юбилейной статьи, его развитии и специфике. Материал исследования может быть использован при разработке курсов по теории жанров, в вузовском и школьном преподавании истории русской литературы. Освещение данной темы поможет в понимании механизмов формирования жанра юбилейной статьи в России.

Исследование включает в себя введение, две главы, заключение и список использованных источников, насчитывающий 86 наименований, в том числе 8 на иностранных языках. Структура, объём и содержание работы обусловлены поставленной целью и задачами.

Во введении аргументирована актуальность изучения юбилейной статьи о писателе, определены объект и предмет исследования, его новизна, указаны цель и задачи работы, раскрываются её теоретическая значимость и практическая ценность, предлагается описание структуры магистерской диссертации.

В главе 1 «Юбилейная статья о писателе в системе жанров биографики, журналистики и литературной критики» выделены генеральные теоретико-методологические направления изучения юбилейных статей, названы ключевые исследователи и их работы. Поясняются основные терминологические понятия. Демонстрируется динамика жанра юбилейной статьи на протяжении всего классического периода. Исследуются возможные варианты изменения его структуры и семантики.

В главе 2 «Юбилейная статья в XX–XXI веках: поэтика и идеология» поэтапно рассмотрены функции юбилейной статьи о писателе: 1) период после классики; 2) писательские юбилеи в СССР и в эмиграции: 1920–1970-е годы; 3) перестроечная и постсоветская ситуации.

В заключении резюмированы основные результаты теоретической и практической части работы.

1 Юбилейная статья о писателе в системе жанров биографики, журналистики и литературной критики

1.1 Теоретико-методологические подходы к изучению юбилейных статей

Биография как жизнеописание, посвящённое выдающемуся деятелю литературы и приуроченное к юбилейной дате, на протяжении многовековой истории претерпела существенные изменения. Настоящий раздел включает вопросы модификации жанра юбилейной статьи о писателе, а именно – рассмотрение ключевых теоретико-методологических подходов к изучению литературных юбилеев и посвящённых им статей. Цель параграфа – проследить динамику жанра и определить уровень его актуальности в современных практиках культуры.

Такое значимое литературное событие, как юбилей писателя, в средствах массовой информации (далее – СМИ), как правило, остаётся незамеченным, потому что оно менее важно, чем политические или экономические вопросы, доминирующие в обществе. Однако жанр юбилейной статьи опирается на историю, сохраняя при этом обращение к сегодняшнему дню, и не теряет своей популярности в современных медиа.

И газеты, и онлайн-издания хотят и ожидают, что читатели будут потреблять их продукт ежедневно, несколько раз в день – от этого зависят ключевые показатели эффективности СМИ. Формируя повестку, редактор полагается не только на суточные, но и на годовые ритмы, поэтому все годовщины и дни рождения планируются заранее. Юбилейные статьи о писателях могут включать как описание самой личности, так и событий, с ней связанных. Кроме того, является ли юбиляр живым или уже умер, для празднования значения не имеет. Например, посмертные юбилеи отмечались в социалистическом обществе с большим размахом. Среди наиболее известных мероприятий – столетие со дня смерти А. С. Пушкина в 1937 г. и Н. В. Гоголя в 1952 г.

В классической системе жанров литературной критики юбилейная статья часто рассматривается как разновидность портрета, а именно – панегирика, обычно приурочиваемого к юбилею (в частности, статья А. А. Блока «Солнце над Россией», написанная в сентябре 1908 г. к 80-летию Л. Н. Толстого) [Михайлова, 2009].

Как разновидность газетной публицистики юбилейная статья объясняет позитивный вклад писателя и его творчества в культуру, оценивает достоинства юбиляра, подчёркивает значимость события в контексте современности, популяризирует «удобные» точки зрения историков литературы и критиков на характер творчества чествуемой персоны. Такие статьи, как правило, отличаются острой публицистичностью, двойственностью суждений (в отношении к истории и современности), особой стилистической организацией, выраженной обращённостью к читателю [Крылов, 2011].

В то же время юбилейная статья не исключает и «негативных» интонаций [Крылов, 2007]. В начале XX в. юбилейные статьи получили широкое распространение в критике в связи с большим количеством юбилеев писателей-классиков. Особенно это стало заметно после празднования 100-летнего юбилея А. С. Пушкина в 1899 г. Характерной чертой юбилейных статей этого периода становится отнюдь не панегирический тон, а полноценный, нередко даже пристрастный разговор о недостатках юбиляра. Юбилеи понемногу начали использовать для пересмотра традиционных оценок, для прочтения заново, новым взглядом, текстов, которые «примелькались». Так, в зачине юбилейной статьи Л. Д. Троцкого о Н. В. Гоголе (1902), напечатанной в сибирской газете «Восточное обозрение», последовательно отвергается наиболее распространённый взгляд на писателя как на выразителя критических настроений по отношению к российской действительности [Михайлова, 2009]. Мысль об «усталости» от юбилейных чествований находим в признании Д. С. Мережковского в письме к В. Я. Брюсову от 7 марта 1910 г.: «... поминальные торжества мне надоели невыразимо <...> Русская интеллигенция вообще любит возиться со всякими покойниками,

как с писаными торбами» [Мережковский, 2005, с. 165]. Как видим, вполне укладываясь в волошинскую критическую программу, допускающую отрицательную критику в тех случаях, «когда она обращена на произведения уже признанные, образующие слабыми своими сторонами заслоны в понимании публики» [Волошин, 1988, с. 596], подобного рода высказывания в разговоре о классиках меняли ракурс юбилейной статьи.

К середине XX столетия, закрепив за собой функцию внедрения в массовое сознание необходимого для продвижения вперёд представления о культуре прошедших эпох, став мощным идеологическим и культурологическим средством, юбилейная статья приблизилась к жанрам ораторской речи. Она «разила» читателя своим громким словом, привнося ощущение «дикторского» вещания.

В работах зарубежных исследователей медиа отмечается, что масштабные события (например, национальные праздники) играют важную роль в формировании коллективной идентичности (представлении людей о принадлежности к определённой группе, сходстве с её членами) [Zandberg, 2012; Zelizer, 1992]. Таким образом, можно считать, что информационные сообщения о годовщинах известных личностей способны превращаться в катализаторы воспоминаний.

Профессор Джилл Эди подчёркивает, журналистика – это не только сообщение о значимых эпизодах дня, но и активная трансляция истории для объяснения современности [Edy, 1999]. Функция поощрения воспоминаний в российской медиапрактике исследована недостаточно, однако отечественные новостные СМИ нередко используют дни рождения писателей как информационный повод для создания простых заметок или больших мультимедийных проектов. Таким образом, они показывают нам, как годовщины литературных классиков могут приобретать популярность в определённом политическом, социальном и культурном контексте эпохи.

Итак, контент, привязанный к тому или иному событию, так или иначе взаимодействует с нашими воспоминаниями, в том числе коллективными.

Я. Ассман выделяет два типа коллективной памяти: коммуникативную, связанную с недавним прошлым и непосредственными участниками событий, и культурную, намеренно конструируемую и транслируемую специальными общественными институтами посредством искусства, политики, литературы и науки [Ассман, 2004, с. 52–59]. Ключевые признаки коллективной памяти: эмоциональность (деление явлений на «хорошие» и «плохие»), избирательность (предпочтение одних событий перед другими), изменчивость (коллективная память постоянно актуализируется в соответствии с задачами настоящего). Вопрос о связи между нацией и социальной памятью затронут и в книге А. Ассман «Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика». В первой части работы историк выделяет нейронное, культурное и социальное измерения, в которых существует память. Складывается она под воздействием среды, опоры и её носителей. Действует коллективная память в индивидуальном, политическом, социальном и культурном форматах [Ассман, 2018].

В культурологии и антропологии за ритуалами, сопровождающими события, радикально меняющими положение, статус или сферу деятельности личности (например, окончание школы или вступление в брак), закрепилось специальное понятие – «обряды перехода» (Rites de Passage) [ван Геннеп, 1999]. Переход в данном случае осуществляется на новый уровень развития и по-другому в научной литературе обозначается как обряд инициации (от лат. Initiation – «посвящение»). По утверждению В. Я. Проппа, «обряд посвящения – школа, ученье в самом настоящем смысле этого слова» [Пропп, 1946, с. 89]. К. Г. Юнг отмечал тот факт, что инициация тесно связана с исцелением, обретением целостности субъектом [Юнг, 1991].

По определению В. И. Тюпы, лирический дискурс «формируется на почве дискурса магического» [Тюпа, 2012, с. 9], что подчёркивает значение для русской литературной традиции первичных речевых жанров, сложившихся в условиях непосредственного общения [Бахтин, 1996].

Основными типами биографического повествования, ориентированными на публичность, в эпоху античности становятся [Аверинцев, 1984; Гаспаров,

2000] поминальная речь (энкомион) и устная речь платоновского типа, в основе которой – хронотоп «жизненный путь ищущего истинного познания» (например, «Апология Сократа») [Бахтин, 1975]. Оба типа ориентировались на ораторскую прозу и не были произведениями литературно-книжного характера.

Согласно теории перформативных стратегий лирического дискурса В. И. Тюпы к числу базовых перформативов хоровой значимости принадлежат хвала и хула. По рассуждению М. М. Бахтина, хвала и брань «составляют древнейшую и неумирающую подоснову человеческого фонда языковых образов» [Бахтин, 1996, с. 84]. Характерной чертой хвалебного или бранного слова является его однозначность, прямолинейность, дифференцированность [Бахтин, 1986, с. 513]. Хвала и хула заявляют позитивные или отрицают негативные ценности [Тюпа, 2012, с. 18]. Отметим, что изначально хвала считалась способом выражения благодарности [Там же, с. 17–18].

Гимн и ода очевидно также произошли от архаичного жанра хвалы. Магическое слово перемещало восхваляемого из обычного мира в мир высших существ. По определению Д. М. Магомедовой, ода «соотносит единичное событие с универсальным хронотопом мифа, эпического прошлого и, в пределе, с планом вечности» [Магомедова, 2012]. Жанрообразующая эстетическая модальность оды – героика. Героический этос – этос легитимности, выраженный в позиции самоопределения со стороны лирического субъекта и акта самоидентификации с ним со стороны восхищённого реципиента, а также в его воображаемой готовности к подвигу [Тюпа, 2012: 18].

Наряду с хвалой и хулой не менее важным в жизни первобытного человека был перформатив покоя, наиболее древней формой которого в поэтическом оформлении, вероятно, была колыбельная песня [Там же, с. 8–31]. От него же ведёт свою родословную и жанр идиллии (от греч. εἰδύλλιον – «картинка»). В качестве протообраза художественного мышления здесь

угадывается круг: круг света и тепла от костра-очага. Ключевым моментом перформатива выступает замыкание круга умиротворённости.

Следует заметить, что глубоко символичен и сам процесс празднования круглых дат. Образ круга знаменует собой нечто вечное и совершенное. Движение по нему возвращает к категориям сакральным: смыслу бытия, поиску гармонии и ценности жизни, её борьбе со смертью, хаосом. Осмысление течения времени, его определённых периодов является необходимым условием в истории культуры человечества [Солдаткин, 2014: 65].

Речевой жанровой источник юбилейной статьи о писателе обнаруживается и в религиозном искусстве. Обращение к церковному дискурсу середины XVIII в. показывает, что жанру проповеди было отведено важное место в праздничной культуре. Основным источником информации по бытованию проповеди в 1740-х гг. являются материалы Российского государственного архива древних актов, а также различные издания – например, «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны», «Придворный журнал» (1741–1742 гг. и журналы 1743–1748 гг.), «Ведомости».

Воцарение Елизаветы Петровны связано с активизацией проповедничества. Императрица, как и Пётр до неё, очень хорошо понимала огромный авторитет церковной проповеди как средства продвижения идеологии и мифологии новой монархии. Уже 5 мая 1742 г. появляются требования обязательного чтения проповедей «во всякие праздничные дни». Согласно указу от 20 декабря к ним относились: Новый год (1 января), день коронации (25 апреля), день вступления на престол (25 ноября), «кавалерский праздник» Андрея Первозванного (30 ноября), день рождения императрицы (18 декабря) [Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи, 1907].

Екатерина II в мемуарах говорит о том, что проповедь предшествовала венчанию [Екатерина II, 1989, с. 70], что соответствует стандартной церковной

практике: задача проповеди – объяснить жениху и невесте смысл обряда и наставить их к праведной жизни в браке. Однако проповедь в данном случае читалась не столько для новобрачных, сколько для присутствующей публики, и задачей её было объяснение того, чем этот брак выгоден для России, поэтому она не рассказывала о семейной жизни, а подробно сообщала о достоинствах каждого из родов, представителями которых являлись молодожёны.

Наравне с проповедью обращают на себя внимание заупокойные литургии и панихиды. В 1902 г. Училищный совет позволяет совершать их в тех храмах, в приходе которых существуют церковные школы, – 21 февраля по Н. В. Гоголю и 10 мая – по В. А. Жуковскому. В день празднования памяти святых Кирилла и Мефодия по случаю писательских годовщин организуются торжественные собрания учащихся, где читаются отрывки из произведений названных литераторов, поются гимны патриотического характера, отмечаются их профессиональные заслуги [О чествовании памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского (от Училищного совета при Св. Синоде), 1902, с. 202].

Как жанр краткого жизнеописания юбилейная статья во многом восходит к древнерусской традиции житийной (агиографической) литературы. Эту общность можно проследить и на уровне текстовой организации, и на уровне функционирования. На страницах житийной литературы создавался идеал русского инока-подвижника, посвятившего себя нравственному совершенствованию, освобождению от низменных порочных страстей, служению идее гражданского долга, справедливости, общественного блага. Определённые параллели можно провести здесь с процессом мифологизации облика русского писателя.

Сложившиеся в Древней Руси каноны различных типов житий также можно рассмотреть в процессе становления «культурного героя» двух последних столетий. Так, например, отголоски мученического жития явно прослеживаются в мифологизации облика Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, а многочисленные эпизоды нравственных исканий Л. Н. Толстого в современном газетном жизнеописании тяготеют к традициям

исповеднического, отчасти святительского жития. В современной мифологизации Н. В. Гоголя улавливаются черты преподобнического жития (ранние размышления героя о бренности жизни, отказ от брака, преодоление различных бесовских искушений, предсказание срока своей кончины). В газетной интерпретации судьба позднего Н. М. Карамзина, посвятившего себя созданию «Истории государства Российского», почти сознательно затворившего себя в Остафьево, неосознанно приближена к житиям столпников, а в облике Н. Г. Помяловского явно просвечивают черты, типичные для героя жития Христа ради юродивого. В любом из этих вариантов целью жития остаётся создание «похвалы герою», прославление его деяний, сотворение образа идеального героя, который служил бы примером и образцом для подражания. Рассматриваемый нами жанр удивительно точно «копирует» указанную «сверхзадачу» и, более того, постоянно выявляет её на текстовом уровне в качестве завершающего компонента статьи.

Таким образом, основную цель юбилейной статьи о писателе как жанра газетной публицистики следует усматривать не просто в дежурно-хронологической приуроченности к круглой дате, но в функциональном наполнении или даже пафосе такой статьи, где даётся не только описание жизни героя (свойственное биографии), но наблюдается его явное прославление (основная идея житийной литературы) в рамках нормирования и канонизации представления о классическом как синониме современного, насущного, необходимого в культуре нового времени.

Итак, поиск истоков жанра демонстрирует несколько исторических форм, в глубинах которых «вызрел» его жанровый ген: это похвальное слово (некролог или поздравительный адрес – жанровые модификации всё того же панегирика), обличительная речь, исповеди и проповеди, древнерусские жития, биографический очерк. Каждая форма по-разному определяет подход в работе с документальным историческим материалом, биографическими и автобиографическими элементами.

1.2 Юбилейная статья в XIX веке: структура и функции жанра

В России празднование юбилеев знаменательных дат прошлого началось задолго до 1899 г., условного начала периода «юбилеемании». Уже на рубеже XIX–XX вв. можно отметить более двух десятков юбилеев, получивших широкое признание публики. Мы рассмотрим долгую и не всегда однолинейную предысторию складывания традиции будущей «юбилейной лихорадки», чтобы показать, какие политические и общественные круги на протяжении XIX столетия были с ней связаны (или, напротив, из неё исключены) [Цимбаев, 2012]. Задача параграфа – реконструировать универсальную жанровую модель юбилейной статьи о писателе, уточнить её структурно-семантические и композиционно-стилистические признаки, а также объяснить причины, обусловившие интерес к данному жанру.

В качестве метода исследования мы выбрали социологию литературы, наиболее значительное влияние на становление которой оказал труд французского учёного Пьера Бурдьё «Поле литературы». Литературу П. Бурдьё рассматривал как часть социального пространства, состоящего из политического, экономического и других социальных полей. В рамках этих полей функционируют агенты, наделённые в неравной степени социальной властью и силой. В литературном поле под агентами понимаются как производители, так и потребители литературной продукции (читательская аудитория, литературные критики, издатели, меценаты). К числу базовых видов социальной власти исследователь относит социальный, экономический, символический и культурный капитал. В широком смысле под ним можно понимать репутацию или престиж. За обладание им в социальном пространстве ведётся непрерывная борьба. При этом различные поля имеют собственную логику и правила функционирования.

Литературное поле относительно замкнуто и автономно. Оно представляет собой «поле сил, воздействующих на всех вступающих в поле, по-разному в зависимости от занимаемой позиции» [Бурдьё, 2000, с. 22].

Конкуренция, которая ведётся в поле, всегда направлена на изменение в нём существующего порядка (или же его консервацию), а также самого понятия литературы. Поле власти – пространство «силовых отношений между агентами за доминантные позиции в различных полях (в частности в экономическом и в культурном)» [Бурдьё, 2000, с. 24]. Соответственно, при анализе литературной среды следует сравнивать её с позицией поля власти, а также соотносить агентов поля с его внутренней структурой.

Согласно Пьеру Бурдьё, в поле культурного производства непрерывно ведётся борьба двух принципов: гетерономного, где ценность литературы сводится к её экономическому успеху, и автономного, признающего в литературном труде прежде всего эстетическую ценность. Гетерономный принцип не является чисто литературным, поэтому его преобладание в литературном поле свидетельствует о слабой степени автономии. Автономный же принцип базируется на условии накопления символического капитала, поэтому здесь речь идёт о сознательном включении в литературное пространство соответствующих агентов, т. е. канонизации, превращающей писателей в институты.

Итак, в соответствии с гетерономным принципом, обеспечивающим соподчинение экономическому и политическому заказу, ключевой мерой влияния в литературном поле становится известность писателя среди массовой аудитории, коммерческий успех издания, наличие профессиональных наград и премий. В свою очередь, приверженцы автономного принципа пытаются оставаться независимыми от требований извне и тем не менее продолжают вести борьбу, но уже за капитал символический. Таким образом, «литературная система является, в каждый момент, ареной конфликтов между соперничающими школами, между канонизированными и неканонизированными авторами и пребывает в состоянии неустойчивого равновесия противоположных тенденций» [Бурдьё, 2000, с. 33]. В этой связи важное значение приобретает и качество аудитории: «произведение искусства существует как символический объект, представляющий ценность, только когда оно распознано и признано

читателями или зрителями, обладающими эстетической компетентностью, необходимой для того, чтобы распознать и признать его в этом качестве» [Бурдьё, 2000, с. 47]. История писательской репутации в таком случае – это обусловленная борьбой между группами агентов за возможность присвоения имени история перемещений в литературном поле, забвения или канонизации. Статус писателя и его место в литературном процессе определяются состоянием поля на конкретный момент, т. е. историческими и культурными условиями. «Забвение происходит незаметно и повсеместно, в то время как памятование является невероятным исключением, требующим особых предпосылок», – пишет А. Ассман [Ассман, 2019, с. 28]. Как видим, структура литературного поля динамична, она никогда не является застывшей и трансформируется в зависимости от того, насколько в ней доминирует гетерономный или автономный принцип, суть борьбы которых кроется в установлении монопольного права определять границы литературного поля и условия принадлежности к нему.

Взяв публицистические и литературно-критические тексты первой половины XIX в. и бесспорные фигуры классиков, родившихся в XVIII в., – М. В. Ломоносова, И. А. Крылова, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, мы постараемся реконструировать «генетику» жанра и попытаемся выявить, кем и для чего, как правило, используется жанр юбилейной статьи в этот период. Однако прежде, чем приступить непосредственно к анализу материала, необходимо коротко уточнить и дополнить положение жанра юбилейной статьи о писателе.

Современный жанровый тип юбилейной статьи о писателе, имеющий фундаментальным основанием протожанры молитвы, проповеди и жития (включая биографию и автобиографию), зафиксированные в Евангелии, представляет собой сложную разветвлённую структуру, состоящую из ядра, в которое входят богослужебные жанры (молитва, церковная проповедь, житие), и периферии, представленной субжанрами, используемыми в небогослужебной сфере (похвальная, обличительная, утешительная

речь/слово, портретный очерк и т. п.). Последние, впрочем, не выполняют богослужебных функций, имеют множество пересечений с другими стилями и активно видоизменяются в настоящее время. Общность в жанровых подсистемах, восходящих к проповеди и житию, видится в их общей коммуникативной рамке (общение с представителями сакрального мира характеризуется благоговейной тональностью, а субъектами коммуникации являются представители разных миров). Различие заключается в направлении коммуникации (в проповеди Бог обращается к человеку, в житии – человек к человеку) и способе текстуальной обработки содержания [Ицкович, 2019].

Как социокультурное явление юбилей (или «год свободы») стал известен примерно в XIII в. до н. э. Сегодня он трактуется как годовщина жизни или деятельности какого-либо лица, события, учреждения. Сверхзадачей любого юбилея является приближение фигуры «профанной», т. е. повседневной, к «сакральному», идеальному. Формируется ситуация, в которой, если говорить о литераторе, вокруг него образуются различные смыслы, подтверждается его избранность, значимость [Солдаткин, 2014, с. 11]. Начиная с 1820-х гг., растёт ценность писателя и поэта, служителя искусства. По замечанию Ю. М. Лотмана, в послепетровской России писатель берёт на себя функции проповедника и святого, право говорить от лица «высшей правды», определять культурные и нравственные границы [Лотман, 1992а, с. 371].

Юбилей писателя как феномен вначале возникает в XVIII в. в Европе, а в России только в 1840-е гг. [Левитт, 1994]. Способствует этому процессу издательская деятельность А. Ф. Смирдина. Начиная с 1840-х гг., происходит предельная коммерциализация коммуникативного потенциала книжного рынка [Калугин, 2006]. Рынок печатной потребительской продукции обретает регулярность. В толстых журналах получает развитие интеллектуальная дискуссия, где под неё отводится специальное пространство. Периодическая печать включается в современную жизнь и события, с ней связанные, становится более оперативной. Трансформации подвергается и поведение аудитории, ищущей в эпоху неустроенности положительных героев

и ориентиры последующего движения в направлении к стабильности и намеренно выносящей обсуждение значимых событий на страницы газет и журналов [Лупанова, 2011]. Пробуя различные формы и жанры, журналисты стремятся привлечь новую аудиторию к своим изданиям.

Традиция чествовать юбилейными торжествами видных государственных деятелей и членов императорской фамилии существовала давно. С середины XVIII в. великие события отечественной истории увековечивали путём возведения памятников. Обычаем празднование годовщин стало и в высших учебных заведениях. В литературные круги как явление вошло проведение торжественных обедов в честь 50-летия профессиональной деятельности писателя [Левитт, 1994]. Стоит уточнить, что торжества по поводу 50-летия службы были особенно распространены в Германии и имели важное условие – юбиляр в лице военного, духовного лица или врача на момент празднования не должен пребывать в отставке. Подобное ограничение делало праздники исключительно редкими [Лямина, Самовер, 2017]. Уникальность их объясняется и главным образом тем, что юбилейная сфера жёстко контролировалась государством и официального чествования мог быть удостоен лишь деятель, обладавший безупречной, с точки зрения властей, политической репутацией [Лямина, Самовер, 2018]. В России распространению информации о юбилеях российских медиков в прессе способствовали литераторы, посещавшие торжественные мероприятия в качестве гостей. Так, в 1827 г. о медицинской деятельности лейб-медика императора Александра I Х. И. Лодера в «Московском вестнике» сообщил М. П. Погодин [Прохорова, 2019а, с. 235]. Формат заинтересовал редакторов петербургских изданий, и юбилеи как занимательное культурное новшество привлекли внимание литературного сообщества.

Одним из первых прижизненных писательских юбилеев, отмеченных в России публично, стало чествование И. А. Крылова 2 февраля 1838 г. По инициативе петербургских литераторов, одобренной императором, отмечалось 70-летие со дня рождения и 50-летие его литературной

деятельности. О событии, до этого в стране небывалом, писали почти все периодические издания Санкт-Петербурга [Прохорова, 2019б], т. е. именно медийность стала главным отличием его юбилея от корпоративных торжественных обедов, принятых в других сообществах [Прохорова, 2019а]. Здесь и далее мы старались учитывать публикации в газетах и журналах, описывающие конкретную годовщину, однако в связи с тем, что в рамках магистерской диссертации невозможно рассмотреть все юбилейные статьи о писателях, мы сосредоточились на материале, который помог нам определить ключевые изменения, происходившие в образцах данного жанра на этапе его становления. При этом в центре внимания оказались корреляция событийной канвы праздников и её описание в текстах разного рода, особенно – постепенное становление юбилейной риторики. При анализе исследователь был сосредоточен на следующих вопросах: место статьи в газетном издании; автор текста; его отношения с героем, читателем; хронотоп (концепция пространства – времени); концепт конфликта; вид и композиция статьи; наличие или отсутствие формальных признаков, присущих журналистскому произведению; образ персонажа.

Нами были рассмотрены публикации, так или иначе связанные с популярным среди исследователей эпизодом биографии И. А. Крылова. Исследуя их с точки зрения оперативности, полноты и объективности освещения события в изданиях с разными установками и возможностями, важно иметь в виду, что к юбилею оргкомитетом были заранее подготовлены тексты запланированных поздравлений, которые служили, говоря современным языком, пресс-релизами. Их журналисты включали в отчёт либо полностью, либо сочетали с пересказом выступлений, но все они подробно описывали приподнятую атмосферу праздника.

Первой о юбилее поэта сообщила ежедневная газета А. Ф. Воейкова «Русский инвалид», опубликовавшая также полный текст приветствия В. А. Жуковского И. А. Крылову, который содержал не только глубокие размышления о его заслугах перед Россией и праве на поэтическое бессмертие,

но и об историческом контексте праздника – кончине в 1837 г. А. С. Пушкина и И. И. Дмитриева, что значимо с точки зрения организации в ходе юбилея исторической памяти [Прохорова, 2019б].

Подчёркнуто верноподданническая политическая и литературная газета «Северная пчела» рассказ о юбилее начала с определения уникальности мероприятия: «В среду, второго февраля, происходило в Санкт-Петербурге торжество редкое по своему предмету и единственное по сопровождавшим оное обстоятельству: праздновали семидесятый день рождения знаменитого, уважаемого и любимого всею Россией поэта Ивана Андреевича Крылова и совершение пятидесяти лет его литературного поприща» [Северная пчела, 1838, с. 125]. В новостной заметке, расположенной на первой полосе и занимающей две колонки, демонстрируется мудрость, творческий ум, почтенная, неувядающая и даже «цветущая» старость баснописца. В речи В. А. Жуковского И. А. Крылов превозносится до патриарха «наших писателей», прослеживается одновременная обращённость к прошлому и будущему: «Уровни мудрости, которыми так давно и так пленительно поучаете Вы современников, дойдут до потомства и никогда не потеряют в нём своей силы и свежести» [Там же, с. 125]. «В лице Крылова Государь наградил всю Русскую литературу» [Там же, с. 126] – продолжает автор материала. На первый план выносятся народность произведений писателя. Помимо достоинств юбиляра традиционно дано описание убранства помещения, в котором происходило торжество, перечислены некоторые кушанья. Обращает на себя внимание клишированность конструкций, используемых в материале. Среди формальных признаков следует отметить отсутствие заголовочного комплекса и портрета писателя.

В этом же номере помещены были «Стихи, петье на обеде, данном И. А. Крылову», а после них дан краткий комментарий, в котором Н. И. Греч объясняет обстоятельства, в связи с которыми он с Ф. В. Булгариным не мог присутствовать на обеде: «Накануне торжества поручили мы А. Ф. Смирдину доставить нам билеты. На другой день он объявил нам, что все билеты

уже розданы. Ф. В. Булгарин поехал к И. А. Крылову, чтобы поздравить его лично; я же, принуждённый нездоровьем сидеть дома, исполнил этот приятный долг письменно. Мы участвовали в торжестве сердцем и душою» [Северная пчела, 1838: 127]. Случай этот был упомянут, в частности, и в «Русском инвалиде» А. Ф. Воейкова, который знал о разногласиях лидеров «торгового направления» словесности (Н. И. Греча, Ф. В. Булгарина и О. И. Сенковского) с некоторыми из организаторов торжества, с целью уязвить противников «литературной аристократии» на литературно-журнальном поприще. Позднее эпизод описан и в «Русской старине» под заглавием «Почему Греч и Булгарин не были на празднестве И. А. Крылова» [Русская старина, 1905, с. 201–203].

В 1845 г. в «Северной пчеле» вышел подробный портретный очерк «Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и новый взгляд на характеристику его сочинений», занявший три полосы. Интересен он, в первую очередь, присутствием личностного авторского компонента: «Многое изменилось в литературе, появились другие писатели, журналистика приняла новое направление, но Крылов оставался по-прежнему первым и единственным в своём роде и наслаждался полною и тихою славой, потому что при всех литературных раздорах критика уже не посмела коснуться любимца всей России» [Северная пчела, 1845, с. 54]. Превознося поэта, публицист устанавливает тон доверительного разговора с читателем: «Крылов был вполне добрый и благородный человек, всегда верный своему долгу и чести. Крылов никого не обидел и не сделал никому зла» [Там же, с. 55]. Чётко обозначен взгляд автора материала в будущее: «Наконец он дождался до утешения, какое немногие из тружеников словесности испытали в жизни: он перенёсся заживо в потомство и видел предназначенное ему место в веках!» [Там же, с. 56]. Образ труженика мы увидим и далее – например, в молитве о М. В. Ломоносове, увенчанном на собрании, как и И. А. Крылов, лавровым венком. Кроме того, в тексте обнаруживаются биографические элементы: «Пройдя все ступени общества, от самой нижней, вытерпев нужду и долгое время находясь в зависимости от людских недостатков, исследовав, так сказать,

анатомически природу человеческую, он был весьма бережлив на откровенность» [Московские ведомости, 1 апр. 1865, с. 3]. По традиции подчёркивается высокое владение писателем русским словом и народный характер его произведений.

Все публикации написаны в панегирическом тоне, их основная цель – познакомить читателей с основными положениями речей, представленных на торжестве. Не обошли вниманием издания и стихи П. А. Вяземского «На радость полувековую...», прославляющие в духе времени общенациональный характер творчества баснописца И. А. Крылова. Примечательно, что его богатая литературная и журналистская деятельность авторами материалов была проигнорирована. Тем не менее признание и прославление народности басен «дедушки» Крылова в прессе сыграло позитивную роль в формировании исторической памяти о юбиляре, актуализировало вопрос о российском литературном пантеоне и, как следствие, предоставило властям понимание возможностей празднования юбилеев и их обсуждения в печати. В то же время опыт освещения чествования И. А. Крылова демонстрирует неизбежное влияние на прессу конфликтов среди литераторов, которое легко обнаруживается при внимательном чтении газет. В 1865 г. (в 100-летнюю годовщину смерти М. В. Ломоносова) подобные разногласия проявляются ещё отчётливее. Разумеется, эти юбилеи значительно отличаются. Чествование 1865 г. – первая широко отмеченная годовщина смерти писателя [Прохорова, 2019а]. Жизнь и творчество М. В. Ломоносова оценивались сквозь призму времени, что позволяло исключить из публикаций злободневность, оставив место для диалога исторической памяти с современностью.

Когда речь заходит о 100-летию со дня смерти М. В. Ломоносова, стоит иметь в виду, что чествовали в первую очередь великого учёного, академика, просветителя и уже потом литератора. Как сообщают «Московские ведомости», на торжественном собрании в актовом зале университета профессор С. М. Соловьёв прочёл «Очерк состояния России в эпоху деятельности Ломоносова»; Г. Е. Щуровский читал «О деятельности Ломоносова

по металлургии и геологии»; Н. Э. Лясковский – «О трудах Ломоносова по химии»; Ф. И. Буслаев – «О грамматике Ломоносова»; Н. С. Тихонравов – «О литературной деятельности Ломоносова»; О. М. Бодянский – «О гражданской (или служебной) деятельности Ломоносова» [Московские ведомости, 13 апр. 1865, с. 2]. В этом отношении примечательно, что юбилеи «чистых» литераторов (например, Н. М. Карамзина) проходили гораздо скромнее, а 100-летие со дня рождения (1843 г.) и 50-летие со дня смерти (1866 г.) Г. Р. Державина прошли без каких-либо торжеств. Следующий крупный юбилей – 50-летие со дня гибели А. С. Грибоедова (30 января 1879 г.), как показывают газетные хроники, не вышел за пределы литераторского и театрального сообществ [Вдовин, 2010].

100-летие смерти М. В. Ломоносова было важным событием в жизни Московского университета, основанного учёным, и Академии наук, где он служил. Торжество сопровождалось публичными заседаниями, церковными службами, речами, лекциями, обедами и юбилейными статьями [Межов, 1871]. Рассмотрим некоторые из них. Расширенная новостная заметка «Ломоносовский день в Москве», опубликованная в «Московских ведомостях», расположилась на второй полосе газеты. Текст соответствует принципу перевёрнутой пирамиды и начинается со слов: «Божественная литургия совершена была 11-го апреля в университетской церкви» [Московские ведомости, 13 апр. 1865, с. 2]. В материале устанавливается факт совершения божественной литургии, перечисляются присутствующие на торжественном собрании, даются детали пространства, приводятся тексты телеграмм. Интересно описание убранства зала, в котором проходила торжественная часть праздника: «На верхней кафедре, под портретом Государя Императора, помещался бюст Ломоносова, украшенный лавровым венком; направо от него находился портрет Ломоносова, принадлежащий Университету (подарок Раевских, потомков Ломоносова); налево – бюст Шувалова. По окончании собрания гг. профессеры обратили внимание публики на мозаическую икону работы Ломоносова, принадлежащую Университету» [Там же, с. 2]. В 1860-е гг.

«Московские ведомости» и другие органы печати осуществляли нападки на «инородцев», что являлось одной из характерных черт внутренней политики этого периода [Берков, 1946]. Именно поэтому в образе М. В. Ломоносова отмечается его чистокровное происхождение: «Ломоносов – уроженец белокаменной, куда со скалистых берегов Северного Океана привела вдохновенного палящая жажда любознательности и где он её утолил» [Московские ведомости, 13 апр. 1865, с. 2]. В этих строках угадывается и сложная судьба автора. Пафос статей и речей юбилея 1865 г. состоит ещё и в том, что М. В. Ломоносов – уникальный пример простолюдина, который сумел не только получить образование, но и добиться выдающихся успехов в различных областях знаний [Лупанова, 2011, с. 94]. Он – основатель Московского университета, великий человек и учитель, научный просветитель России, преобразователь нашего слова, образец умственной образованности «в направлении классическом западноевропейском» [Московские ведомости, 13 апр. 1865, с. 2].

В этом же номере на третьей полосе опубликована «Речь на поминание М. В. Ломоносова», представляющая собой молитву, автором которой является настоятель церкви Московского университета, профессор богословия, священник Н. А. Сергиевский. «Ныне мы поминаем память великого нашего соотечественника, скончавшегося сто лет тому назад, одного из первых деятелей нашего наукообразного просвещения и первого виновника учреждения сего первого в России высшего училища знаний. Да будет память сего мужа с праведную похвалой, как память самого раннего богатого и неутомимого сеятеля семени знания среди своего народа!» [Московские ведомости, 13 апр. 1865, с. 3]. В тексте воссоздан ореол мученичества и образ великого трудолюбца: «Помянем ныне о той борьбе, о тех страданиях, вещественных и духовных, какие испытал в свою многознаменательную жизнь сей необыкновенный деятель» [Там же, с. 3]. Идейное содержание наследия писателя соотносится с современной общественной ситуацией: «Братья! Труд нашего сеяния так же не без борьбы. Разумеем борьбу нашего времени, борьбу

веры с неверием» [Московские ведомости, 13 апр. 1865, с. 3]. Ведомого читателя автор обращает в будущее: «Ну и мы в свою очередь сеем на великой ниве Божьей, сеем для будущего. Стоит при сем помыслить и нам о том: что мы сеем, какие будут всходы, какова со временем будет жатва от нашего посева» [Там же, с. 3]. Оценка деятельности М. В. Ломоносова поверхностная, сдержанная. Критика отсутствует. Тема закрыта и не предполагает дальнейшего обсуждения, что нельзя сказать о следующем материале – «Ломоносовский день (письмо к фельетонистам Московских ведомостей)».

Опубликованное в разделе «Телеграммы», письмо резко обличает отношение москвичей к ломоносовскому празднеству. Некто, скрывшийся под псевдонимом «читатель», подчёркивает недостаток у последних энтузиазма к организации торжества и обращает внимание публики на отсутствие в прессе сведений о том, как его предполагается отметить: «Признаюсь, не без грустного чувства читал я в газетах известия о предположении разных городов России отпраздновать 100-летний юбилей Ломоносова. В университете будет торжественное публичное собрание. Но этого слишком мало. Ломоносов принадлежит не одному университету, не одному учёному миру: он принадлежит всему Русскому обществу, всему Русскому народу. Публичное собрание в университете будет далеко не так публично, как это желалось бы. Нужно перевести праздник на улицы, чтобы вся Москва приняла участие в празднике, общем всей России и всем её сословиям» [Московские ведомости, 1 апр. 1865, с. 3]. «Читатель» от настоящего двигается к будущему: «Я никого ни в чём не обвиняю, тем более что, может быть (кто знает?), многое из того, что здесь указано, и готовится уже для москвичей втихомолку» [Там же, с. 3]. Перед нами статья явно критического характера, где личностный компонент превалирует над фактами. Тем не менее М. В. Ломоносов описан в ней не только как первый русский учёный, но и как человек, много сделавший при том и для театра.

Последняя публикация, на которой хотелось бы остановиться – реплика «Юбилей Ломоносова и проект нового устава Академии наук», напечатанная

в литературно-политическом журнале «Русское слово». Резкое выступление автора материала обосновано, по всей видимости, желанием уточнить факты биографии М. В. Ломоносова и объяснить читателям издания подлинные причины шовинистических нападков на иностранцев. По мнению обозревателя: «Панегиристы попали в страшный просак: вместо похвалы они и в прозе, и в стихах принялись ругать Ломоносова, сами того не замечая» [Русское слово, 1865, с. 47]. Публицист обращает внимание на то, что М. В. Ломоносова везде называют «великим человеком», кровным русским, просветителем. Об истинных же виновниках злоключений учёного – царской бюрократии, высшем дворянстве и духовенстве поэты намеренно умалчивают. «За что же вы, господа пииты, в прозе и стихах обругали Ломоносова? Вы знаете, что он был обязан своим образованием немцам, что он всю жизнь выражал глубокую благодарность Германии за то, что она открыла ему глаза на науку и дала те знания, которых не могла ему дать Славяно-Греко-Латинская академия. С немцами он находился в постоянной переписке, с ними он советовался и постоянно у них учился, а вы в честь его юбилея ничего не выдумали лучше, как ругать немцев», – пишет автор [Там же, с. 49]. Защита имени М. В. Ломоносова в подобного рода полемизирующей статье переводит пассивного читателя в разряд активных, что в очередной раз указывает на внутреннюю литературную борьбу за право влияния, свойственную большинству материалов этого периода.

Итак, торжественные чествования основателя и творца русской науки М. В. Ломоносова, проходившие в обеих столицах и ещё в 25 городах в 1865 г., были призваны сплотить нацию перед новыми вызовами в условиях начавшихся реформ. Воспитательная сторона жизни М. В. Ломоносова стала центральной идеей многих публикаций, и, за редким исключением вроде радикальных материалов в петербургских изданиях, праздник прошёл под знаменитой триадой С. С. Уварова: «православие, самодержавие и народность». Тогда уже окончательно сложилась легенда о М. В. Ломоносове

как искренне верующем человеке и слуге монархии. Именно в таком ключе образ М. В. Ломоносова оставался в умах русского общества многие годы.

100-летие со дня рождения Н. М. Карамзина в 1866 г., в отличие от ломоносовского юбилея, проходило скромно, несмотря на усилия М. П. Погодина придать торжествам большой вес и значение. Некоторые консервативные издания попытались использовать чествование Н. М. Карамзина, чтобы раздуть поддержку политики России в Польше, но, т. к. весь праздник заключился в стены университета, кроме произнесённых на акте и за обедом речей взять из него было решительно нечего [Левитт, 1994].

В 1866 г. в «Вестнике Европы» вышел материал «Вестник Европы до 1830 года», где Н. М. Карамзин обозначен как историк и основатель журнала: «Карамзин благословил Вестник Европы на будущее значение помещением в нём нескольких собственных исторических произведений. Таковы были: “Путешествия вокруг Москвы”; “О Московском мятеже при Алексее Михайловиче”; “Свидание Софии Шарлотты, королевы прусской, с Петром Великим”; “О тайной канцелярии”; “Русская старина”» [Вестник Европы, 1866, с. 16].

«Московские ведомости» откликнулись на годовщину тремя информационными заметками. Типичной в этом отношении является публикация «Карамзинский юбилей в Харькове». В Харьковском университете юбилей начался панихидой и заупокойной литургией, совершёнными в университетской церкви. Образ Н. М. Карамзина воссоздаёт архиепископ Макарий в тексте своего слова. Здесь Н. М. Карамзин представлен прежде всего как историк: «Карамзин первый изучил отечественные летописи во всей их полноте, перечёл тысячи актов и сочинений, касающихся истории России, извлёк из них всё нужное и всё это проверил здоровой критикой, перетворил, объединил, оживил в своём гениальном уме и начертил художественную картину, в которой Русь впервые увидела себя, как в зеркале, ясно и отчётливо, увидела так, как никогда ещё она не видела себя» [Московские ведомости, 1866, с. 2]. Далее в слове отмечается, что Н. М. Карамзин – создатель русского

слова, он обработал, очистил и преобразовал русский язык. В заключении резюмируется: «Карамзин составил истинную эпоху в развитии Русского самосознания» [Там же, с. 2]. В целом заметка подчёркивает бессмертие великой личности и характеризуется обилием однообразных шаблонных фраз.

В материале «Юбилей Карамзина в Новочеркасске» находим интересную деталь: «Юбилей был отпразднован в гимназии актом. Кафедра была украшена зеленью, между которой виднелся портрет покойного историографа, а на столе лежал экземпляр полного собрания его сочинений» [Московские ведомости, 1866, с. 2]. Присутствие портрета юбиляра и сборников его книг являлось неотъемлемой частью любого подобного торжества. Подтверждение этой мысли находим и в тексте «Юбилей Карамзина в семейном кругу»: «Совершались поминки по Карамзину и продолжались три дня сряду. Продолжение этих трёх дней перед портретом историографа, украшенным зеленью, читались статьи, которые были напечатаны в 1826 году по поводу его кончины, и некоторые статьи его, между прочим, знаменитое Предисловие к Истории Государства Российского, которое С. Д. Полторацкий произнёс наизусть» [Там же, с. 2].

Как видим, истинное значение карамзинского юбилея заключалось далеко не в определении достоинств произведений писателя. Исследователи сходятся во мнении, что юбилей Н. М. Карамзина в целом вышел «консервативно-нравоучительным»: историки восхваляли не только его действительные заслуги, но и выводили из него мораль для настоящей минуты [Говорухина, 2016, с. 89–99].

100-летие со дня рождения В. А. Жуковского в 1883 г. спровоцировало всплеск интереса к фигуре поэта и в дальнейшем определило его классический статус. Е. Е. Анисимова делит юбилейные публикации о В. А. Жуковском на три группы. К первой относятся поздравления-напоминания о значимой дате. Ко второй – сборники документов и материалов, связанные с именем поэта. Третья группа включает в себя публикации, в которых жизненный путь В. А. Жуковского показан в связи с его профессиональной деятельностью

[Анисимова, 2013, с. 76–77]. Так, в материале «Василий Андреевич Жуковский. Столетняя годовщина со дня его Рождения. Очерки профессора П. А. Висковатова и доктора К. К. Зейдлица», опубликованном в «Русской старине», В. А. Жуковский показан как «воспитатель целых поколений русского юношества, видный поэт и преобразователь языка» [Русская старина, 1883, с. 187]. Журнал разместил подробную биографию поэта, судьба которого описана как жизнь святого. Также в номер были помещены избранные авторами письма В. А. Жуковского.

В «Вестнике Европы» М. С. Стасюлевич предлагает несколько иной взгляд на деятельность юбиляра. В очерке «Столетний юбилей рождения В. А. Жуковского» поэт описан как сугубо положительный герой, наставник царя и близкий императорской семье человек, родоначальник современной отечественной поэзии, носитель высоких человеческих качеств. Контекст праздника лаконично вписан в настоящее: «До самой смерти в 1852 году Жуковский оставался патриархом своей многочисленной литературной семьи. Имена его таких почитателей, как Пушкин, Гоголь, служат преемственной связью между Жуковским и теми, кто и теперь считает себя их учениками и последователями в области литературного творчества. Он, по справедливости, может быть назван дедом русской литературы нашего века» [Вестник Европы, 1883, с. 468]. Характерно, что универсальный характер жизненного пути поэта стал точкой отсчёта в большинстве работ, приуроченных к юбилею. Сочетание юбилея «Вестника Европы» и торжеств в честь В. А. Жуковского превратило праздники русской классики и журналистики в юбилей культуры нового времени [Анисимова, 2016].

Итак, жанр юбилейной статьи о писателе в XIX в. характеризуется некоторой неустойчивостью. Располагается она, как правило, на второй-третьей полосе газеты либо в специальном разделе журнала, посвящённом обычно литературному обзору. По объёму статья в большинстве случаев небольшая, автор материала остаётся анонимным, из чего следует сдержанность в оценках, почти полное отсутствие личного компонента критика

или журналиста. Читатель подобных публикаций ведомый, безусловно подчинённый автору. Во временном отношении юбилейная статья обращается одновременно к прошлому и к будущему. Через обращение к прошлому выстраивается идентичность (в том числе национальная), создаётся ощущение непрерывности культуры, обращение к будущему же обещает юбиляру незабвенность и славу. За счёт этого торжество вписывается в контекст эпохи. Конфликт в его традиционном понимании не находит места в тексте, однако идейное содержание наследия писателя всегда соотносится с современной общественной ситуацией. Нарочито подчёркивается сложная судьба писателя, создаётся ореол мученичества, святости. По жанру юбилейные публикации делятся на информационные заметки, биографические и портретные очерки, молитвы, реплики, письма и комментарии. Стиль публицистический, редко – художественный. Тексты научного характера в юбилейной периодике не встречаются. Статьи нечасто носят критический характер. Формальные признаки не соблюдаются. Материалы в этот период не сопровождаются шапкой в форме заголовка и подзаголовка, рисунком и прочими обязательными для современного журналиста компонентами статьи. Элементом концентрации читательского внимания служит первый абзац, начинающийся со слов: «Сегодня исполнилось...». В финале статьи, несмотря на стандарт итогового выхода в «современность», создающего иллюзии открытости, незамкнутости текста, реально предполагается «закрытость» темы, обсуждению не подлежащей. Происходит блокирование предлагаемой информации в данных параметрах приобщения к «высокому» при общей установке на ослабленную креативную функцию читателя. Образ героя изображается путём комбинирования точек съёмки: это может быть рассказ о различных сферах деятельности писателя, описание его облика и поведения. Многократные ритмические повторы одной или нескольких черт юбиляра и однообразные клишированные конструкции ограничивают возможности «доразвивания» образа героя публикации в сознании читателя. Ритуальность такой статьи ведёт к проблеме серийности, типичности (неуникальности)

текста. Юбилейная статья нередко редуцирует сама себя в описаниях положительных черт литератора.

Преимущественно юбилейная статья о писателе представляет собой последовательный рассказ о ходе праздничных мероприятий, посвящённых юбилею, однако встречаются и более сложные авторские материалы, осмысливающие и оценивающие проведённый литературный юбилей. Интересно, что во многих юбилейных статьях этого периода отмечается высокое положение писателя при дворе. Дефицит газетной площади, вероятно, объясняет отсутствие на страницах периодических изданий собственно текстов литераторов, чьи юбилеи освещались прессой. Эталон юбилейной статьи о писателе можно назвать информационную заметку, кратко описывающую ход торжества, присутствующих на нём лиц, в нескольких чертах дающую сведения о юбиляре и его вкладе в литературную и общественно-политическую жизнь страны.

В известном смысле юбилеи писателей становятся поводом для определения границ влияния в обществе различных литературных группировок. Яркий тому пример – 100-летний юбилей со дня смерти М. В. Ломоносова, широко отпразднованный в апреле 1865 г., когда консерваторы и либералы, с одной стороны, и радикалы-революционеры, с другой, стремились изобразить М. В. Ломоносова с выгодной для себя стороны и использовать его биографию в качестве обоснования собственной правоты [Берков, 1946]. В качестве ключевого аспекта литературного юбилея следует признать тот факт, что организацией празднования подобного торжества общество стремится решить стоящие перед ним задачи. Так, количество материалов, посвящённых М. В. Ломоносову в юбилейные дни, должно было увеличить долю сторонников массового образования. Публикации в газетах были призваны подготовить читателей к тому, что скоро в одном гимназическом классе или студенческой аудитории с их детьми окажутся вчерашние крестьяне. И в этом не будет ничего плохого, потому что именно так откроются доселе недоступные великолепные

перспективы культурного и интеллектуального развития всего российского общества [Лупанова, 2011].

Итак, уже в XIX в. юбилейные чествования стали одним из инструментов интерпретации и актуализации прошлого [Прохорова, 2019]. Однако несмотря на видимую взаимосвязь юбилейной традиции с историей, её появление в обществе во многом опирается не на историческую, а на культурную память [Евтушенко, 2012]. В статье «Стихотворения Кольцова», опубликованной в 1846 г. в журнале «Отечественные записки», В. Майков, стремясь объяснить интерес общественности к произведениям искусства, пишет о том, что возникает он при условии узнавания части себя в окружающем мире. Интерес публики вызывает именно человеческая сторона, потому что «мы не можем не чувствовать при мысли о ней того же, что чувствуем при мысли о самих себе» [Майков, 1846]. Таким образом, главная функция юбилея – сохранение культурной идентичности – остаётся и реализуется не менее активно, чем в древности.

Не менее важными литературные юбилеи русских классиков были в общественно-политическом пространстве XIX в. Часто с их помощью оказывалось возможным обсуждать внутренние проблемы страны. За счёт публикации юбилейных статей широкая публика получала информацию о значимых для российского общества явлениях, всё прочнее связываясь в единое социокультурное пространство.

Литературные юбилеи можно рассматривать также как одну из форм рецепции творчества писателей, о чём более подробно речь пойдёт в следующем параграфе, – они не только напоминают о произведениях (или знакомят с ними непросвещённого читателя), но и позволяют соотнести жизненную практику с литературой [Жилякова, 2012]. Отсюда другая функция юбилейной статьи как жанра: интерпретация творчества и жизни автора, попытка донести её до массовой публики.

Резюмируя, отметим, что исследование сущности юбилея позволяет сделать ряд заключений относительно его основных функций. К ним можно отнести функции:

- сплочения людей для сохранения группы и поддержки национальных традиций;
- поддержки идентичности социума путём интерпретации событий прошлого и их закрепления в коллективной памяти, нередко – преднамеренным искажением исторической реальности;
- хранения, передачи и образования новой информации;
- культурного моделирования.

1.3 Юбилейная статья как инструмент конструирования литературной репутации

Вопрос об актуализации и деактуализации в общественном сознании фигур прошлого занимал не одно поколение учёных. Понимание специфики юбилейной статьи о писателе связано с поиском ответа на изначальные для становления этого жанра вопросы. Что способствует возникновению и канонизации самого представления о культурном герое? Каков механизм превращения исторической личности, жившей в координатах старого времени, в культурного героя настоящего? В чём причины возникновения своеобразного мифического ореола и ритуала поклонения потомков представителю предшествующих эпох? Задача настоящего параграфа – обосновать подход, в рамках которого юбилей в российской традиции представляется инструментом конструирования литературной репутации автора, понять процессы возникновения биографических мифов и причины их трансформации в биографические аксиомы.

Проблема восприятия культурного наследия прошлого на страницах массовых периодических изданий требует комплексных методов, не ограничивающихся литературоведческим осмыслением отдельных фактов историко-литературного процесса или изучением культурно-рекреативных

и образовательных функций журналистики. Рассматривая литературу в совокупности меняющихся условий, мы попробуем оценить потенциал юбилейной статьи о писателе в формировании представлений о классическом.

В отечественной гуманитарной науке проблема литературных репутаций становится актуальной в начале XX в. Размышляя о праве человека на биографию, Ю. М. Лотман указывает на то, что понятие биографии писателя «не извечно, а обладает исторической и биографической конкретностью» [Лотман, 1992а, с. 365–366]. Литературная биография сопряжена с литературным мифом. Для её возникновения и развития необходимы конкретные культурные и исторические условия. Каждая культура выделяет свои правила, по которым одни получают биографию, т. е. оказываются достаточно важными для того, чтобы их имя и личные черты были сохранены для потомков, а другие – нет, – пишет Ю. М. Лотман. Применительно к нашей теме чрезвычайно интересны рассуждения учёного о том, что между стандартизированным (т. е. состоящем из набора топиков) жизнеописанием святого и описывающей уникальные черты героя биографией нового времени есть нечто общее: из всего населения всегда находится некто, жизнь, поступки и имя которого делаются предметом описания и сохраняются для потомков [Масловский, Хализев, 1987, с. 138]. Общность в типах поведения, обретающих право на биографию человека средневекового и новой эпохи, Ю. М. Лотман видит в том, что в обоих случаях человек выделяется своей необычностью в конкретном времени и социуме, реализует трудную, не рутинную, а странную для других норму поведения [Там же]. На газетной полосе биография как жизнеописание, посвящённое выдающемуся деятелю литературы и приуроченное к юбилейной дате, становится активной формой конструирования общественного сознания. Такое жизнеописание приобретает наряду с оттенками художественности популярный характер, хотя, как и всякая другая биография, на основании фактического материала она даёт картину жизни человека, развития его личности в связи с общественными обстоятельствами эпохи.

В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что термин «литературная репутация» отражает то, как личность и творчество писателя воспринимается в литературном поле его агентами – педагогами, критиками, читателями, книготорговцами, издателями и т. д. [Хандарова, 2018, с. 106]. Литературная репутация формируется под влиянием множества факторов: жизнетворческой деятельности писателя, эстетических установок эпохи, реакции читателей, критиков и т. п.

По А. И. Рейтблату, литературная репутация – это такая репрезентация писателя, которая «в свёрнутом виде содержит характеристику и оценку его творчества и общественного поведения» [Рейтблат, 2014, с. 51]. Литературная репутация свойственна значительной части участников литературной системы. В социологии понятие репутации соотносится с термином «социальный престиж». Литературная репутация формируется, с одной стороны, через художественные произведения самого автора, с другой – посредством публичного выражения мнения других лиц об авторе (сюда относятся критические статьи, эссе, рецензии, переписки и т. п.) [Рейтблат, 2014, с. 51].

С точки зрения социологии литературы история писательской репутации – это история перемещений в литературном поле. Репутация определяется взаимодействием между агентами. Писатель создаёт литературные тексты, реализует в них основные темы актуальной культуры. Читатель является главной частью системы, он принимает и ретранслирует культурные коды, а также, покупая или не покупая, читая определённые тексты или нет, влияет на всех остальных участников системы. Издатель обеспечивает связь между писателями и читателями. Цензор от лица властей, светских или религиозных, корректирует культурную картину мира, допуская или не допуская определённые темы и формулировки. Библиотекарь и книгопродавец доводит произведение до читателя. Критик претендует на право выстраивать иерархию актуальной литературы. Педагог обеспечивает понимание границ литературы, транслирует представление о наиболее ценных текстах и главенствующие пути их интерпретации.

Влияние на формирование литературной репутации оказывают журналисты и литературные критики (т. е. СМИ), единомышленники и друзья, интеллигенция в лице членов-представителей литературных кружков и салонов, а также читатели, книгопродавцы и издатели. В значительной степени уровень их воздействия зависит от типа исторической и культурной систем. Право определять выдающиеся тексты и великих авторов становится одной из привилегий в борьбе между агентами литературного пространства [Waller, 2008], которое А. И. Рейтблат определяет как отношения между создателем, потребителями, заказчиками и оценщиками результата творческой деятельности [Рейтблат, 2001, с. 52]. Особенности этих отношений определяются идеологической заданностью, количеством внимания властей к литературе, социальными установками, – т. е. внелитературными факторами.

На разных этапах развития литературы по-разному складывались отношения создателя текста и его реципиента. Говоря о «горизонте ожидания» читателя в древних литературах, близких к произведениям фольклора, утверждавшим коллективные ценности, можно сказать, что намерения писателей, творивших в русле устойчивой традиции, следовавших избранному жанрово-стилистическому канону, и ожидания читателей (слушателей), как правило, более или менее совпадали. Узнавание аудиторией канона было залогом успешного функционирования произведения. Именно канон, «должное и священное, нуждающееся в прославлении и требующее неограниченного повторения», ценил средневековый любитель житий в одном из самых распространённых жанров древнерусской литературы [Берман, 1982, с. 160].

В развитом обществе при формировании литературной репутации учитывается безошибочно-строгое соответствие отбираемых для публичного осмысления фактов биографии существующим на данном этапе общественным идеалам. При отборе информации, предназначенной для газеты, автор ориентируется не столько на объективный уровень научной информации о культурном герое, сколько на социально-политическую ситуацию в стране, поэтому можно уловить проявление определённого публицистического смысла в самой компоновке фактов и материалов при общем стереотипе набора

биографических вех писателя. Таким образом, история критики и государства оказывается тесно связанной с формированием литературной репутации писателя.

В случае широкого общественного признания писатель становится предметом спора, попыток присвоения той или иной группой. Соответственно, репутация писателя определяется степенью влияния и количеством агентов и институций, желающих его присвоить, оценить, издать, интерпретировать. Е. Е. Анисимова, описывая формирование литературной репутации В. А. Жуковского, выделяет два направления рецепции. В первом случае харизмой поэта, совершенством личности объясняются его художественные успехи. Такой тип рецепции исследователь называет «мифологизирующим». Второе направление предполагает сознательное использование качественно важных в современных условиях частей рецептируемого достояния. Из всех трудов художника осмыслению подвергаются только важные в контексте событий поэтические образы, мотивы или связанные с его именем жанры [Анисимова, 2016, с. 33–34]. Так жизнь и творчество виновника торжества отходит на второй план, уступая место литературному и общественному контексту самой даты [Там же, с. 40].

В социальной плоскости проблема литературной репутации напрямую соотносится с проблемой формирования канона. Она возникает и оказывается предметом соперничества, когда претенденты в элиту собираются вместе для модернизации, регламентации и упорядочивания национальной культуры [Дубин, 2010, с. 66–75]. Для рядового читателя список каноничных авторов, по сути, и представляет собой корпус национальной или мировой литературы [Acta Slavica Estonica IV, 2013, с. 8], а значит, попадание в канон, позиция в нём представляют положение автора в литературе в исторической перспективе. Термин «литературный канон» возник по аналогии с канонем богословским, т. е. со списком книг, которые данной религиозной традицией считаются сакральными. На настоящий момент существует два противоположных взгляда на формирование канона. Первый предполагает влияние социальных и

политических импульсов, второй – что текст и его автор входят в канон благодаря гениальности.

Б. В. Дубин предлагает выделять три типа канона, основанных на механизмах их формирования: институциональный (школа); актуальный (литературная критика) и модный (издательские стратегии в расчёте на новую образованную публику) [Дубин, 2010, с. 69–70]. С точки зрения И. Н. Розанова, для русской литературы XIX столетия влияние критики на формирование канона было очень весомым. Так, канонизация Н. В. Гоголя фактически полностью приписывается усилиям В. Г. Белинского.

Осмысляя проблему классики, Б. В. Дубин пишет, что «сколько-нибудь серьёзная подвижка в композиции литературных элит обычно приводит к новой проблематизации литературного канона и к подвижкам внутри него; это относится к набору образцовых авторов и произведений, критериям их интерпретации» [Дубин, 2010, с. 66–75]. Иными словами, проблема канона – это проблема борьбы определённых групп элит за установление их ценностей. Соответственно, положение классика в литературном каноне определяется в том числе способностью его произведений быть маркером принадлежности к национальной культуре, в возможности коллективной идентификации через чтение одних и тех же текстов, когда произведение становится способом инициации. Б. Андерсон, теоретик национализма, в работе «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» определяет нацию как «воображённое сообщество» [Андерсон, 2001, с. 30]. Это сообщество складывается в силу разных причин, но национальная история и национальная классика – канон, перечень текстов, которые прочитаны нами в школе, – являются своего рода культурными скрепами, мощным инструментом создания идентичности. Б. В. Дубин указывает на высокую политическую актуальность литературного канона в России: «Особую роль фигуры национальных классиков приобретают в запоздавших нациях, где строительство национального государства, формирование элит осложнено социально-культурными обстоятельствами, сдвинуто во времени» [Дубин, 2010, с. 326]. Так, например, бытование личности писателя в контурах юбилейной периодики

в советскую эпоху почти однозначно предполагало приоритет общественно-политической биографии писателя над его собственно литературным творчеством, когда «требование от писателя подвижничества и даже героизма» стало входить в нормированное представление о писательской судьбе [Лотман, 1992а, с. 374].

Появление нации, так же, как и появление института литературы, требует определённых условий. Б. Андерсон указывает на связь рождения национализма с появлением национального языка и способов его трансляции: прессой и школой. Национальный проект может реализоваться только при условии появления общего образования, когда у государства появляется возможность транслировать в широкие массы стандартизированные язык и культуру. В индустриальном обществе последняя становится средой создания «воображаемого сообщества», а сам акт чтения – инициацией. В политическом контексте конструирование литературной репутации писателя с целью легитимизации действий властей осуществляется через поиск связи настоящего с историческим прошлым. Такая связь может быть не только актуализирована, но и искусственно сконструирована. «Изобретение традиции» активнейшим образом сопровождает появление индустриального общества [Хобсбаум, 2000]. Так в кратчайшие сроки писатели-современники становились классиками и составляли национальный литературный канон.

На рубеже XIX–XX вв. происходит сдвиг в отношении к традиционным символам русской национальности – царю, церкви, русской культуре, в частности к литературе золотого века, русской классике. После эмансипации образованные россияне стремятся донести до простых людей национальную культуру, основанную на печатном слове. При этом если в книгоиздательской практике XX в. писатель обретает закреплённое право на биографию в биографической серии «Жизнь замечательных людей», основанной М. Горьким в 1933 г., а в дореволюционный период (1890–1907 гг.) – в биографической серии Ф. Ф. Павленкова, или в жанре научной биографии, адресованной более узкому кругу специалистов-гуманитариев, то в практике периодической печати такому «вживлению» в массовое сознание способствует

юбилейная статья: в XX столетии именно журналистика благодаря широкому развитию системы информационных каналов делает культуру доступной для самых широких кругов населения.

А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов и И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов и другие писатели и критики входят в пантеон русских национальных героев наряду с генералами, царями и отцами церкви, их чтут и почитают наравне с их произведениями. Первоначально церковь и государственные власти не хотели санкционировать почитание группы, формально не отождествляемой с православной автократией и в некоторых отношениях враждебной ей, но в конечном итоге они смирились со свершившимся фактом и стремились развеять мысль о том, что писатели противопоставлены государству. Официальные патриотические интерпретации литературных произведений усилили ауру, уже сформировавшуюся вокруг классиков. Когда большевики пришли к власти и искали символы национального единства, не зависимые от церкви и самодержавия, они с большим энтузиазмом использовали литературу XIX в. Все эти события внесли свой вклад в одну из самых устойчивых тенденций российской культурной жизни рубежа веков – канонизацию классиков.

По мысли очевидца первых громких юбилеев Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина И. Л. Щеглова, признание и увенчание заслуг писателя переживает три последовательных фазиса. Первый – «эстетический», когда небольшая группа поклонников скромно празднует 50-летие его литературной деятельности. Второй, «педагогический» фазис, в связи со смертью автора, приурочен к закреплению за издателями права безвозмездно тиражировать его сочинения в народ. Заключительный, «демократический» фазис, наступает по случаю 100-летия со дня рождения писателя, когда широкие массы приобщаются ко всеобщему чествованию [Щеглов, 1909].

Некоторые параллели с классификацией И. Л. Щеглова можно обнаружить в социологии, где выделяются следующие общие черты личностных юбилеев: 50-летие – период творческого расцвета, 80-летие –

подведение итогов. Так, Л. Н. Толстой, переосмыслив свои взгляды и убеждения, к концу жизни занялся педагогикой, практически полностью отказавшись от литературного творчества. К 80-летию он сосредоточился на религии и философии. Его посещали мысли о Боге и смерти. При этом общественность в 1908 г. большее внимание уделяла именно творчеству, а не самому писателю. Через 100 лет потомки осмысливают творческое наследие юбиляра, а через 150 лет уточняют его значение для современников. К своему 200-летнему чествованию юбиляр достигает бессмертия, т. е. становится частью культурной памяти [Евтушенко, 2012].

Краткий официальный роман с избранными писателями XIX в. продолжался от 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина в 1899 г. до смерти Л. Н. Толстого в 1910 г. Решение считать день рождения А. С. Пушкина праздником было принято самим царём. Писателям устраивали литургии и панихиды в церквях. Публично читались отрывки из их произведений. Чествования сопровождалась патриотической музыкой и распространением по всей России портретов юбиляров [Brooks, 1985, с. 322]. Несмотря на такие усилия, властям всё же не удалось отождествить классиков с самодержавием [Там же, с. 323]. При этом нельзя не отметить тот факт, что подобные торжества дали толчок крутому повороту общественного мнения о писателях и резкому количественному всплеску текстологических и литературоведческих исследований. Имена литераторов приобрели огромную символическую силу, значение которой выходило далеко за пределы литературной ценности их сочинений.

К 1914 г. и социал-демократы, и большевики, и меньшевики всё чаще противопоставляли классическую литературу современным модернистским произведениям [Там же, с. 320]. Так, газета «Наш путь» приветствовала Л. Н. Толстого как защитника угнетённых, критика неравенства, кумира русских рабочих. К социальным критикам XIX в., таким как В. Г. Белинский, относились аналогичным образом, их юбилеи освещались на первых полосах газет. Большинство считало пролетарскую литературу будущего продолжением классического наследия, которое они идеализировали [Brooks, 1985, с. 321].

Ореол, который формировался вокруг классиков, был принят и даже поощрялся в бульварной прессе. Самая популярная и дешёвая газета «Копейка» щедро воздавала должное писателям-юбилярам. А. П. Чехов славился в ней как писатель, отмеченный большой любовью к простому народу. Годовщина освобождения крепостных крестьян в 1911 г. была встречена цитатами А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова и В. Г. Короленко о пороках крепостного права [Brooks, 1985, с. 329].

Имена классиков вошли в риторику нового языка национальной гордости и самосознания. В альманахе 1913 г., опубликованном государственной газетой для народа «Сельский вестник», писатели занимали видное место в рубрике «Даты знаменательных событий и гибели значимых людей» [Brooks, 1985, с. 330]. Однако если в послепетровской России культурой писателю было отведено место мученика, подвижника и святого-проповедника, то в советскую эпоху облик писателя преломляется в свете нового представления о революционере-борце. Мученичество, подвижничество окрашивается новым содержанием: на уровне архетипическом литературная деятельность уподобляется битве, а слово – оружию в борьбе за истину и светлое будущее.

Сложным вхождением в литературный канон по праву можно назвать случай русского драматурга А. С. Грибоедова. Первые публикации о нём находим в «Газете Гатцука» от 27 января 1879 г. В статье по случаю 50-летия со дня смерти А. С. Грибоедова, творца комедии «Горе от ума», автор приводит некоторые факты из жизни писателя: «Родился 4 января 1795 года в Москве. Воспитание получил домашнее. Мать была характера тяжелого, зато старшая сестра, Марья Сергеевна, стала нежным другом ребёнка» [Газета Гатцука, 1879, с. 60]. В тексте даны сведения о его образовании, службе, начале литературной деятельности. Обложка выпуска газеты сопровождается портретом А. С. Грибоедова с гравюры Д. Рыкова, созданной 30 января 1829 г.

Следующий текст кажется более любопытным. В материале «Перед юбилеем Грибоедова» подробно описывается, как планируется отметить 50-летие со дня кончины А. С. Грибоедова: «Общество любителей

российской словесности предложит публике несколько речей, посвящённых жизни и деятельности знаменитого писателя, а на сцене столичных и некоторых провинциальных театров появится комедия “Горе от ума” с невиданным доселе ансамблем – без цензурных урезок и при костюмах двадцатых годов» [Газета Гатцука, 1879, с. 61]. «Ввиду такого литературного праздника интересно спросить: что сделано нами в течение полвека для имени покойного юбиляра? – пишет автор. – К удивлению, до настоящей минуты в руках нашей публики нельзя увидеть полного собрания сочинений Грибоедова» [Там же, с. 61]. По мнению публициста, известные под таким именем издания не оправдывают своего громкого заголовка. Первое из них, выпущенное А. Ф. Смирдиным, представляет «тощую книжку, где в изуродованном виде перепечатана комедия, несколько стихотворений да ничтожная доля журнальных статей» [Там же, с. 62]. Второе, под редакцией Е. Н. Серчевского, с обнаружением многих новых материалов, теряет право на безукоризненную полноту. Ту же участь разделяет и биография А. С. Грибоедова. В литературе не было ни одной книги об этом авторе, которая равнялась бы с трудом А. Н. Пыпина о В. Г. Белинском. «Остаётся искренне пожелать, что ожидаемый юбилей не ограничится одними заказными парадными речами, но пополнит новыми материалами собрание сочинений Грибоедова и осветит неясные страницы его биографии» [Газета Гатцука, 1879, с. 62], – заключает публицист. Отметим, что несмотря на внимание газет ко дню смерти А. С. Грибоедова (см., например, выпуск газеты «Новое время» № 11 814 от 31 января 1909 г.), по-настоящему актуальным его творчество стало лишь в 1945 г. Тогда в СССР централизованно и масштабно отпраздновали 150-летие со дня рождения писателя.

Несомненный интерес с точки зрения формирования литературной репутации поэта представляет юбилей творческой деятельности А. А. Фета, состоявшийся в январе 1889 г. Его уникальность заключается в том, что праздник инициировал сам поэт. Для него он был возможностью стать частью мира литераторов, для критиков – оценить и его творчество, и общее состояние русской поэзии [Сарычева, 2016, с. 115].

Особость, чуждость толпе подчёркивалась во многих юбилейных публикациях этого периода [Пильд, 2013, с. 105]. Целый ряд литераторов отмечали вневременной характер поэзии А. А. Фета – её свежесть, неувядаемость, вечность: «А. А. Фет – любимый русский поэт, умевший сочетать с пылким лирическим вдохновением глубину и свежесть чувства, прелесть образов и гармонию звуков, поэт, ещё и на склоне лет сохраняющий жар юности и неустанную энергию» [Исторический вестник, 1889, с. 771].

Иную позицию выразил К. К. Арсеньев в журнале «Вестник Европы». «Литературные юбилеи – дело, бесспорно, хорошее, – пишет автор, – они скрепляют связь между писателями и читающей публикой, дают обществу возможность забыть хоть на минуту о злобе дня, о сумраке бесконечных политических будней» [Вестник Европы, 1889, с. 248]. Есть, однако, у юбилеев опасная сторона. Приветственные статьи выдвигают на первый план достоинства юбиляра, игнорируя всё остальное. Преувеличивая заслуги поэта, большинство журналистов замалчивает его недостатки. «Расходившаяся восторг окрашивает всю картину в один розовый цвет, привет обращается в панегирик» [Там же], – продолжает К. К. Арсеньев. По этой причине пассаж о творчестве А. А. Фета выходит спустя месяц со времени чествования: «Теперь мы можем говорить свободно, не опасаясь диссонанса» [Там же]. Обозреватель недоволен тем, как различные периодические издания освещают литературное наследие А. А. Фета в дни его юбилея. Критик не согласен с позицией других авторов о том, что поэзия А. А. Фета с годами лишь совершенствуется, становится глубже и серьезнее, не теряя своей силы и свежести: «Постоянное совершенствование, – пишет публицист, – это идеал человека, а вовсе не удел поэта. Старость может быть венцом нравственного развития, но едва ли она бывает когда-либо кульминационным пунктом художественного творчества. Вместе с жизненной силой слабеет и поэтическое дарование – и в особенности это применимо к чистому лиризму» [Вестник Европы, 1889, с. 250].

Касаясь политической стороны вопроса, журналист отмечает в лирике А. А. Фета отсутствие гражданских мотивов и то, что он никогда не выступал открытым врагом несимпатичных ему течений: «Тенденциозным писателем

г. Фет не был никогда. Он не совершал даже тихих случайных наездов в политическую область» [Вестник Европы, 1889, с. 261]. О литературной репутации А. А. Фета и Л. Н. Толстого и влиянии на её формирование общественно-политического запроса подробно пишет издание «Русская мысль». Автор материала, В. А. Гольцев, ставит перед читателем неоднозначный вопрос: почему чествование А. А. Фета стало возможно в 1889 г.? Объяснение публицист находит в произошедшем в общественном настроении коренном перевороте: «В это время (время Добролюбова и Писарева) его (Фета) решительно не понимали: почти все считали своей обязанностью смеяться над его произведениями. Для того чтобы поэзия Фета была оценена по достоинству, нужен был перелом жизни, нужно было освобождение от всего того, что в недавнее время опутывало наше сознание. В наши дни такой перелом совершился» [Русская мысль, 1889, с. 197].

При формировании образа А. А. Фета автор обращается к агиографическому тексту: «Нет шествия без препятствия, как души без греха. Поэт испытал всю силу препятствий», – обращает внимание В. А. Гольцев, имея в виду то гонение и глумление, которое выпало на долю А. А. Фета в «Свистке» [Русская мысль, 1889, с. 198]. Действительно, для «чистой» поэзии 60-е гг. были тяжёлыми. Субъективный лиризм мало кого интересовал в то время. Теперь же в Санкт-Петербурге возрождается мысль о нравственном и умственном воспитании. Актуальным становится всё, что может заставить человечество чувствовать красоту, добро и свободу духа.

В этом же материале находим и объяснение другого биографического факта – теперешнего общественного значения Л. Н. Толстого, известного среди современников прежде всего в качестве основателя Ясно-Полянской народной школы и педагогического журнала «Ясная Поляна». В. А. Гольцев уверен: «Если бы не случился перелом, Толстой, вероятно, и до сих пор оставался бы в тех скромных общественных пределах, которые ему тогда предоставила жизнь. Теперь же некогда скромная фигура сельского учителя выросла в строгий величественный образ авторитетного проповедника общественной морали. Всё это случилось оттого, что изменился характер

деятельного движения мысли» [Русская мысль, 1889, с. 199]. В то время, когда приоритет общественной мысли был направлен в сторону государственности, идеи высшей любви, красоты и гармонии были отодвинуты на второй план. Напоминать о них было незачем и учить было некого. Они и без того являлись ориентиром, высшей целью человеческого самосознания. Работа современного идеолога совершается не для верхнего слоя. Она идёт не вглубь, а вширь. Это опять популяризация, но популяризация преимущественно нравственных понятий в новом формирующемся и готовящемся для будущего слое русской жизни. Обосновывая сложившуюся ситуацию, автор говорит о потребности в изменении государственного сознания при помощи нового слова, обращённого к разуму и чувству и возбуждающего идеи общественной морали, которая волнует умы, соединяя всех в одном общем стремлении к объединению духовных скреп на служение прогрессу и на дружескую борьбу с неправдой и насилием.

Подводя итог, можно заключить, что жизненно-социологические истоки творчества писателя в юбилейной периодике выходят на первый план и эстетический уровень бытийности художественного текста объясняется лишь его общественно-социальными установками. Происходит сужение значимости деятельности писателя как художника, поскольку его судьба рассматривается прежде всего как яркая и правдивая иллюстрация современности.

Выводы по главе 1

В главе были рассмотрены структурно-семантические и композиционно-стилистические признаки юбилейной статьи о писателе, что позволило сделать ряд наблюдений. Юбилейная статья о писателе – комплексное многогранное понятие, которому присущи, с одной стороны, черты житийности, а с другой – панегирической речи.

Являясь неотъемлемой частью биографического нарратива, жанр юбилейной статьи был сформирован на основе традиции житийного текста.

Структурные элементы агиографии трансформировались с учётом историко-культурного контекста эпохи и определили её основные элементы. Во-первых, пересечения происходят на уровне авторского позиционирования. В исключительных обстоятельствах юбилейные статьи создаются известными литераторами, и в этом случае необходимо иметь в виду, что жизненный сценарий юбиляра рассматривается под углом творческой точки зрения и жизненных принципов публициста. Анализ материалов позволяет заключить, что зачастую он поразительно неиндивидуален. Даже большой учёный «теряет» свою филологическую основательность и становится прежде всего представителем конкретного социума, отражающим яснее всего общественно-политическую и социальную позицию общества. В большинстве рассмотренных нами публикаций автор, как правило, остаётся анонимным, но его присутствие определяется характером выбранной информации, наличием или же отсутствием в материале стилистических фигур, общей тональностью текста, отступлениями и риторическими вопросами. Во-вторых, жизнь юбиляра является центральной темой повествования в поздравительном тексте. Она раскрывается через факты биографии: общественная деятельность, образование, работа. Автор юбилейной статьи, так же, как и автор жития, поступательно описывает жизненный путь героя, выделяя события, повлиявшие на его судьбу. В-третьих, коммуникативная цель жития направлена на создание идеального образа святого для поучения других людей. В юбилейной статье эта цель заключается в создании образа идеального человека. Используя инструменты изображения личности, автор статьи показывает пример, как человек смог достичь общественного признания и успеха в литературном творчестве.

Такие особенности агиографического текста, как упоминание о благочестивых родителях святого и история переломного события в жизни героя жития, в тексте юбилейной статьи трансформируются. Информация о родителях встречается очень редко – как правило, она ограничена упоминанием об их роли в воспитании юбиляра. Что касается события,

определившего жизненный путь, то оно прописано в выборе дела жизни. Подвиги святого, являющиеся обязательным слагаемым жития, у героя юбилейной статьи описаны как деяния, определяющие его социальную значимость. Она, в свою очередь, может быть выражена через творческие достижения, а также через признание от императора и получение регалий и орденов.

Большинство публикующихся в периодике XIX в. материалов представляют собой панегирики, в обязательном порядке включающие в себя элементы послужных списков и формальную характеристику нравственных качеств юбиляра. Все они отличаются казённой риторикой, однообразием и безжизненностью. Власть как организатор большей части значимых юбилеев тщательно отбирала фрагменты коллективной памяти. Таким образом, являясь объектом активной фильтрации, история в ходе юбилеев становилась моделью восприятия и трактовки будущего.

2 Юбилейная статья в XX–XXI вв.: поэтика и идеология

2.1 Период после классики

На рубеже XIX–XX вв., в условиях смены картины мира и ценностных приоритетов, национальные юбилеи приобрели большое значение в жизни общества. Помимо возникших новых, серьёзной трансформации подверглись старые юбилеи. Особый интерес с этой точки зрения представляют идеологические аспекты праздников, а также исторические и социокультурные трансформации, намеченные юбилейными событиями постклассического периода.

Журналистика и литература в России всегда были связаны особенным образом. Н. М. Карамзин и В. А. Жуковский редактировали журнал «Вестник Европы». А. С. Пушкин был журналистом и редактором «Литературной газеты». Н. А. Некрасов занимался выпуском «Современника»

и «Отечественных записок». М. Горький работал в «Правде» и «Просвещении», Ф. М. Достоевский – в «Эпохе» и «Времени». На протяжении всего XIX в. в стране не существовало официальной политической периодической печати. Функции журналистики брала на себя литература и литературная критика. Публицистическое искусство В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова стало примером мастерства для журналистов. Острые вопросы в журналах обсуждались осторожно, в основном – в связи с публикацией тех или иных произведений.

Благодаря динамичному развитию социально-политической жизни, в начале XX в. российская журналистика и поле литературы претерпели существенные изменения. К 1900-м гг. чётко формируется видение роли историко-культурного процесса в формировании национальной и государственной мифологии.

XX век в мире начался с бурной капитализации всех сфер производства, в том числе и журналистики. Технический прогресс в области печати, появление телефона и телеграфа резко повысили производительность труда. Не отставала в издательском деле и Россия, несмотря на сдерживающую рост прессы жёсткую цензуру [Есин, 2009, с. 68].

В эти годы статус печати определялся Уставом о цензуре, в основу которого были положены «Временные правила о печати» 1865 г. Во всех произведениях Устав требовал уважать Особ Царствующего Дома и обряды христианских исповеданий, охранять неприкосновенность Верховной Власти и основных законов. К печати не допускались содержащие информацию о социализме и коммунизме статьи и сочинения, запрещались возбуждающие ненависть среди сословий произведения. Таким образом, рост прессы сдерживался для удобства контроля над ней.

В конце XIX в. либеральные литераторы и журналисты потребовали твёрдый закон о печати, но попытки интеллигенции договориться с властью оказались безрезультатны. И всё же к 1904 г. сформировались некоторые послабления. Глава Министерства внутренних дел, князь П. Д. Святополк-

Мирский, провозгласил эпоху доверия. Но вскоре в связи с критическими выступлениями многих газет о трагических событиях Русско-японской войны было решено составить новый устав о печати.

17 октября 1905 г. император Николай II подписал Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Этот период в истории отечественной журналистики называют «медовым месяцем свободы печати» [Махонина, 2016, с. 7], т. к. помимо провозглашения гражданских свобод (совести, личности, слова, собраний и союзов), манифест даровал издателям возможность публиковаться без предварительной цензуры. Кроме того, отменялось административное вмешательство в дела прессы. 24 ноября 1905 г. Правительство утвердило «Временные правила о повременных изданиях», в которых был узаконен явочный порядок выхода новых изданий, отменена приостановка периодических изданий за «вредное направление» и публикацию признанных правительством «неудобных» вопросов [Ахмадулин, Овсепян, 2008, с. 57]. Ужесточение новых правил произошло в 1906 г. в связи с вышедшим к ним «Дополнениям». Чуть позже были введены временные правила о непериодической печати. В России впервые появились политические партии. Ведущая роль в системе журналистики 1905–1907 гг. отводилась партийной прессе.

Важной особенностью этого периода является изменение представления всего общества о том, что такое партия [Жирков, 2014, с. 172]. Ранее она воспринималась как направление политической мысли с определённым числом сторонников, разделявших одни и те же взгляды. В новых условиях партия понимается как политическая организация со своей структурой, уставом и членством. В период Первой русской революции было создано более 150 партий. Особенно из них выделялась рабочая социал-демократическая партия, которая не только позиционировала себя как организация пролетариата, но и имела в своих рядах его представителей. Наиболее влиятельным изданием своего времени стала кадетская столичная газета «Речь». Она стояла за укрепление буржуазного строя и категорически отвергала революцию.

Прочно закрепились издания партии социал-революционеров, отражавшие в своих материалах интересы миллионов крестьян. Большое влияние на публику имела эсеровская и социал-демократическая пресса.

13 ноября 1905 г. в петербургском социал-демократическом издании «Новая жизнь» В. И. Ленин опубликовал статью «Партийная организация и партийная литература», в которой партийность рассматривалась как разновидность цензуры. Поводом к осуждению провинившегося партийца (а затем и репрессиям против него) в концепции В. И. Ленина являлось сотрудничество во внепартийной печати. По его мнению, литература и журналистика должны быть частью партийной организации. Многие профсоюзные издания оказались под большевистским влиянием.

Количество печатных органов (особенно политических) к 1917 г. увеличилось по меньшей мере в три раза, пресса стала оперативнее, толстый журнал как основной тип издания уступил место газете, которая учитывала потребности нового слоя потребителей печатной продукции, т. н. зарождающегося «массового читателя». После крестьянской реформы 1861 г. начался отток жителей из деревни, и поэтому в начале XX в. сформировался значительный слой городского населения – грамотных в одном поколении. Как пишет Е. А. Добренко, советский читатель, зритель, слушатель являлся не просто потребителем информации, он был объектом преобразования, формовки [Добренко, 1997, с. 11]. Советский человек сам – существенная часть советского проекта. Поэтому новой власти было важно обеспечить каждую социальную нишу своим изданием. Стали появляться отраслевые, военные, крестьянские, женские, молодёжные и другие газеты с характерными рубриками. Развивалась региональная и национальная печать, газеты выходили на 20 национальных языках. В 1919 г. были закрыты последние небольшевистские газеты, начался процесс ликвидации безграмотности: всё население Советской России училось читать и писать на русском или родном языке [Добренко, 2007, с. 25]. Периодическая печать стала важнейшим идеологическим и организаторским инструментом

становления советской власти. По словам исследователей, в эти годы «отечественная пресса формировалась как многонациональная дифференцированная система средств информации, создаваемая по единой унифицированной идейно-организационной схеме» [Овсебян, 2005, с. 28].

В начале 1920-х гг. в России прочно укрепилась однопартийная система, а вместе с ней однопартийная журналистика [Кузнецов, 2006]. Большевики были намерены создать систему печати нового государства. На X съезде партии В. И. Ленин провозгласил переход к Новой экономической политике. Эта идея была воспринята отрицательно многими членами партии. Они считали, что цели НЭПа противоречат революционным идеалам. Основной задачей для печати становится агитация людей в пользу НЭПа. На страницах газеты «Правда» В. И. Ленин пишет статьи «Новые времена – старые ошибки в новом виде», «О нашей революции», «Странички из дневника». Также появляются газеты «Комсомольская правда» и «Беднота».

Что касается юбилейных чествований, то начиная с пушкинского праздника 1880 г., идеологический потенциал юбилеев литераторов начал возрастать и всё больше эксплуатироваться. К началу XX в. самые разные политические силы, в том числе государство, ведут борьбу за инициативу и преимущественное право празднования годовщины. Государство уже в полной мере осознаёт идеологический потенциал юбилеев и годовщин, даже таких, как писательские, и вовлекает их в череду военных и государственных праздников. В 1900–1910-е гг. Россию охватывает юбилеумания.

1908 год проходил под знаком чествования Л. Н. Толстого: 28 августа ему исполнилось 80 лет. К торжеству писателя на первой полосе газета «Новое время» поместила портрет юбиляра, ставший впоследствии своеобразным газетно-иллюстративным клише и устойчивым элементом, способствующим мифологизации писателя [Новое время, 1908, с. 6].

Одним из значимых торжеств этого периода можно считать и гоголевский юбилей 1909 г. Специфика его состояла в том, что именно в этот период активно перерабатывается канон Золотого века русской классической

литературы. Наряду с этим хотелось бы отметить, что переоценке гоголевского наследия в эпоху пересмотра культурных парадигм способствовала не только модернистская критика, но и сам характер личности и творчества писателя. Юбилей 1909 г. подтверждает главное прочтение образа Н. В. Гоголя как национального писателя и родоначальника литературы, однако, вместе с тем, появляется новая трактовка его образа. Внимание публицистов обращается на его психическое состояние, гротеск, фантастику, метафизическое измерение его текстов. Другой Н. В. Гоголь органично вписывается в новую парадигму модернизма [Полонский, 2011, с. 221].

Реканонизацией образа Н. В. Гоголя занимались и православно-почвеннические «Московские ведомости», и консервативное «Новое время», и кадетская «Речь», и умеренно-либеральное интеллигентское «Слово», – крупные общенациональные издания с чёткой политической программой, ориентированные на определённые идеологические группы читателей и, соответственно, на создание такого образа классика, который во многом эту группу определяет [Shin, 2017, с. 117]. Достаточно невзрачно изобразило юбилей Н. В. Гоголя «Новое время». В посвящённом памяти писателю газетном номере мы находим лишь скудную биографическую справку о нём, сопровождаемую обилием его портретов [Новое Время, 21 марта 1909, с. 6–11]. Более богата на содержание заметка «О Гоголе и о посвящённых ему стихотворениях». Данный текст представляет собой рассказ о том, как произведения Н. В. Гоголя встречала современная ему публика и печать. Отрицательное отношение к творчеству писателя автор материала объясняет следующим образом: «Это жеманство и отголоски воспитания на произведениях французского классицизма приводят к тому, что даже лучшим представителям тогдашней литературы очень часто были не по плечу реализм вообще и Гоголевский реализм в особенности» [Русская мысль, 1902, с. 184]. Среди неприятелей Н. В. Гоголя «был Булгарин, который думал, что подслужится полиции, когда будет ругать Гоголя; застарелые классики и напыщенные романтики» [Там же]. Среди сторонников – «кружок Пушкина, кружок

Станкевича и Белинского, кружок славянофилов, наконец, всё свежее и восприимчивое в просвещённом кругу тогдашнее общество» [Там же]. В «Вестнике Европы» того же года публикуется рецензия на письма Н. В. Гоголя, изданные А. Ф. Марксом [Вестник Европы, 1902, с. 392–396].

В 1912 г. отмечалось 100-летие со дня рождения И. А. Гончарова. «Загадочный писатель» – такой заголовок был в ходу в то время [Саратовский листок, 1912, с. 2]. В материалах этого периода подчёркивается одиночество юбиляра: «Гончаров – один из тишайших наших писателей. Гончаров всю свою личную и литературную жизнь шёл своей особенной дорогой» [Там же]. Нельзя не заметить, что некоторые критики воспринимали творчество литератора как загадку, ещё не до конца уяснённый образ: «Никому не доступна Гончаровская объективность, потому что это не только объективность, но и ещё что-то, пока не разгаданное» [Там же]. Главное внимание во многих юбилейных текстах посвящено проблеме Обломова и обломовщины [Отрадин, 2000]. В публикациях об И. А. Гончарове проявляется не столько историко-литературный, сколько непосредственный интерес к творчеству писателя [Русская мысль, 1901, с. 229–241]. Образ писателя сильно упрощён и натянут, акцентируется мысль о его заземлённости, даже обыденности: «Осенённый смирением тихой покорности, выступает перед нами человек, который тонко любил жизнь во всех её мелочах и подробностях. Он с любовью нарисовал уютность и покой бытия, очарование дома, поэзию семейного очага» [Там же, с. 240]. Таким образом, уже на исходе XIX столетия можно наблюдать, как меняется характер юбилейного празднества и его освещение в газетно-журнальной периодике рубежа веков.

2.2 Писательские юбилеи в СССР и в эмиграции: 1920–1970-е годы

Традиция празднования писательских юбилеев в постреволюционные годы в стране была продолжена. При этом если внутренняя конфликтность, сложность и неоднозначность начала 1920-х гг. список классиков оставляла

неизменным, то уже к концу 1920-х гг. он был ощутимо пересмотрен и дополнен современниками, а также писателями с революционными взглядами [Черняк, 2015, с. 28]. В качестве примеров можно упомянуть юбилей М. Е. Салтыкова-Щедрина в 1926 г. или празднование 60-летия М. Горького в 1928 г., ставшего частью просветительской и воспитательной работы партии [Подлубнова, 2012, с. 118–119]. В данном разделе мы попытаемся уточнить и классифицировать типологические признаки, характерные для функционирования сформировавшейся в XIX и укрепившейся в XX в. формы юбилейной статьи о писателе.

Основная функциональная значимость юбилейной статьи, обретающей право на возникновение и бытование в строго обозначенный момент исторического развития, в культурологическом аспекте связана с функцией напоминания и восходит к категории памяти. Поскольку культура в соответствии с присущим ей типом памяти отбирает из всей массы сообщений лишь то, что подлежит включению в коллективную память, интересен механизм выбора того, что следует помнить, а что подлежит забвению. Динамику развития жанра юбилейной статьи в предложенной Ю. М. Лотманом парадигме «памяти-забвения» следует рассматривать исходя из соотнесения двух начал мифологического сознания: мифологизации как способа создания образов, имеющих силу примера, и демифологизации как метода разрушения стереотипов мифологического мышления, утративших свою подъёмную силу [Лотман, 1992б]. Первый тип встречается в юбилейных материалах в 1930–1980-е гг., второй обнаруживается лишь с конца 1980-х гг. В рамках исследуемого жанра роль мифологизации заключается прежде всего в популяризации, утверждении некой хрестоматийности, азбучности, способной войти во всеобщее сознание.

Если говорить о некоторой общности ранних статей с материалами советского периода, то на уровне текстовой организации в авторской подаче наблюдается явное различие. Вероятно, в силу однозначности политической ориентации автора статьи в авторитарном режиме происходит некая

абсолютизация в оценке происходящего, появляется уверенность в непогрешимости своего приговора в отношении описываемой литературной фигуры: «Обречённость старого мира, давно сгнившего в самых основах своих, делает сатиру Гоголя, его смех глубоко современными. Всем деятелям империализма, столь задорным, столь воинственным, предстоит рано или поздно разыграть последнюю сцену “Ревизора”. Окаменеть, как окаменели царские чиновники на сцене 100 с лишком лет назад, как провалились они в небытие в России 34 года назад, как исчезли и исчезают в ряде стран в настоящее время» [Литературная газета, 1952, с. 2]. Всё это видится и на уровне громко-трафаретных названий статей, предлагающих читателю скорее памятку для заучивания, нежели информацию к размышлению. Уровень административного поручения (срочное создание письменного сообщения к определённой дате) устраняет возможный уровень сомнения в сказанном. Таким образом, юбилейная статья наряду со следами житийности несёт в себе качества, определяемые не культурологическим, а социально-политическим запросом (соцзаказом).

Примечательно, что традиция празднования именин (дня памяти святого-покровителя) в 20–30-х гг. XX в. подверглась официальному гонению. На смену религиозной практике было предложено отмечать день рождения, и уже к середине XX в. торжество стало вторым по популярности среди всех слоёв населения, уступив место лишь Новому году. Большое влияние на формирование традиции оказали поздравительные юбилейные кампании партийных лидеров, проводимые с целью укрепления законности партийной власти посредством идеализации образов её членов [Калачева, 2003: 46]. Празднование юбилея одного человека служило демонстрацией единства и солидарности всех граждан.

В декабре 1922 г. первый съезд Советов СССР провозгласил создание многонационального социалистического государства. В 1923 г. с целью оказать сопротивление поднимающемуся национализму и преодолеть недоверие к традиционной русской культуре как культуре угнетателей Россия стала

содействовать развитию национального сознания этнических меньшинств. «Стратегия большевиков заключалась в том, чтобы взять под свой контроль процесс деколонизации и осуществить её так, чтобы сохранить территориальную целостность бывшей Российской империи», – отмечает профессор Т. Мартин [Мартин, 2011, с. 10]. В рамках т. н. политики «коренизации» (а также «национализации», «украинизации», «узбекизации» и т. п.) советское государство создало 12 больших национальных республик и десятки тысяч национальных территорий. Приоритетной задачей этой политики стала поддержка местных элит. Развивались национальные языки, финансировалось массовое издание книг, журналов, газет и другой культурной продукции на языках нерусских народов СССР. Цель этих мер заключалась в том, чтобы обеспечить мирное сосуществование различных культур с зарождающейся общесоюзной социалистической культурой. Деполитизация национальных идентичностей нерусских народов осуществлялась путём проявления показного, нарочитого уважения к ним [Мартин, 2011, с. 25]. Так, интернациональная социалистическая культура была призвана сделать советскую власть родной, близкой, народной и понятной. Национальная идентичность формировалась и утверждалась с помощью различных форм и институтов (кухни, стиля, костюмов, музеев, фольклора, театра, литературы). Позже недоверие к русским было объявлено более неактуальным. Русскую культуру реабилитировали, создали новый пантеон «подлинно народных», «прогрессивных» русских деятелей искусства и науки, прекратилась проводившаяся до 1933 г. кампания по латинизации национальных алфавитов.

Апофеозом юбилейной практики сталинской эпохи считается 100-летняя годовщина со дня гибели А. С. Пушкина в 1937 г. Именно благодаря этому празднику стало понятно, насколько серьёзно власть относится к формированию поля официальной культуры [Подлубнова, 2012, с. 119]. Практика празднования юбилеев органично вошла в жизнь советского общества, её механизм был отлажен. Литературные юбилеи перестали восприниматься как исключительные события. Открылся путь в классики

советской литературы для современников, т. е. юбилей оказался одним из инструментов, формирующих и поддерживающих статус советского писателя.

С конца 1930-х гг. новый смысл в СССР получила традиция издавать сочинения того или иного классика к его юбилею. В контексте «русскоцентричной» культурной политики юбилеи русских писателей стали частью символики дружбы народов, а переводы их сочинений на национальные языки СССР – трансляцией достижений прогрессивной русской культуры.

Так, через 100 лет после смерти Н. В. Гоголя «Литературная газета» пишет: «Гоголь жив среди нас и сегодня. В любом уголке советской земли и далеко за её пределами звучит, не умолкая, его чудесная певучая речь. После революции в нашей стране произведения великого народного певца издавались на 38 языках и составили 21 миллион экземпляров. Они вышли на языках народов всех союзных республик, а также на татарском, башкирском, бурят-монгольском, коми (два наречия), марийском (луговом и горном), мордовском (мокша и эрзя), осетинском, удмуртском, чувашском, якутском и др.» [Литературная газета, 1952, с. 1]. Таким образом, рецепция литераторов советского периода была прежде всего связана с культурной и образовательной политикой властей, направленной на советизацию республики [Иванов; Тамм, 2014].

Говоря о жизни русской эмиграции в 1930-е гг., следует упомянуть газету «Заря», которая внимательно следила за всеми основными литературными событиями русского зарубежья. Так, одной из центральных тем в ней стало присуждение Нобелевской премии И. А. Бунину. Публикациями в «Заре» были также отмечены 85-летие и 90-летие В. И. Немировича-Данченко, 70-летие Д. С. Мережковского, 40-летие и 50-летие литературной деятельности А. И. Куприна, 40-летие Н. А. Байкова [Пасевич, 2019, с. 46]. Все они отражали одно из ключевых направлений литературной критики русской эмиграции – рецепцию вклада русского зарубежья в развитие одной из ветвей русской литературы XX в.

Рассмотрим, как внетекстовые качества газетного текста соотносятся с его текстовыми параметрами. С правовой и профессиональной точки зрения в этой связи особо важной становится проблема источника информации. Кто выступает автором юбилейной статьи? Каковы его возможности в области популяризации нового культурного героя, подбора и интерпретации фактов о нём? Анализ массовых изданий 1930–1950-х гг. позволяет заключить, что возведению культурного героя на пьедестал способствует не персональная симпатия автора статьи к своему персонажу, а его следование уровню надындивидуального института власти, контролирующего абсолют непререкаемого авторитета, политизированного мифа. В целом ощущается известный прагматизм в освещении факта, при котором знания автора о нём не преобразуются в форму его личного мнения. Однообразие клише, набора конструкций и устойчивых определений о трудном детстве героя и его борьбе за и против почти исключает возможность создания цельного образа в сознании читателей, хотя несомненно способствует возникновению качественно нового знания. Заблаговременный редакционный заказ на подобные статьи обеспечивает их определённую логическую стройность и композиционную выверенность, но в то же время приводит к заштампованности формулировок в интерпретации писательской биографии, стандартизованности как в сюжетно-композиционном, так и в стилистическом плане.

Функция напоминания не только календарной даты, но и некоего, отчасти существующего в менталитете нации знания, вероятно, связана с наличием определённой общей памяти адресанта и адресата. При этом юбилейная статья приобретает характер официального текста, конструирующего абстрактного собеседника. Для прессы 1930–1950-х гг. особенно характерно воспитание не читателя-друга (интонацию доверительного разговора с читателем можно будет почувствовать с конца 1970-х гг., например, в газете «Комсомольская правда»), но читателя ведомого, безусловно подчинённого автору. Для статей этого периода характерно последовательное включение в текст читательской аудитории: «вся советская общественность», «весь советский народ»

[Литературная газета, 1952, с. 1–3]. Элемент узнавания себя и некая иллюзия приобщённости читателя благодаря такому зачину определяют интонацию возможного контакта несмотря на известную сухость штампов и определений в характеристике культурного героя. В то же время привычность языкового поведения журналиста делает статью доступной восприятию любого представителя данного социума в условиях практикуемого всеобщего школьного образования.

Сейчас уже очевидно, что информативная ценность данных текстов, определяемая изменившимся семиотическим уровнем нового читательского поколения, претерпевает тенденцию к понижению. Кроме того, здравая рассудочность юбилейных статей 1930–1950-х гг. делает их во многом невозможными для серьёзного восприятия современным читателем не с точки зрения фактологии, но в силу особой лексической заданности в дидактизме установок на высокую гражданственность и революционную сознательность.

Первичным фактором в процессе мифологизации русского писателя в советскую эпоху является соответствие его биографии и творчества социально-политическим запросам времени. Учитывая, что на бытование критики в периодике самым непосредственным образом влияют качества, присущие средствам массовой агитации и пропаганды, функциональная заданность юбилейной статьи приобретает вполне определённую направленность. Власть как активно действующая сила, узаконивающая свод предписаний и запретов, реализует себя в речевой практике современного ей общества, в том числе и в СМИ. Юбилейная статья закрепляет в себе достигнутый к данному времени уровень культурного знания, образующегося из дискурсов различных научных дисциплин, как то: филология, философия, эстетика, социология, политология. С другой стороны, маскировка под видимость воли к знанию, истинной воли к власти предопределяет невозможность полноценной реализации достигнутого к этому моменту развития и оборачивается лишь претензией на научную истину. Некое раздвижение горизонтов околотекстовых связей вокруг героя и его творений происходит

за счёт почти обязательного, но не всегда оправданного, зачастую поверхностного введения писателя в контекст развития многонациональных литератур.

Общая публицистичность выводов юбилейной статьи советского периода ориентирована на обязательное истолкование художественного произведения как актуального факта общественной жизни, т. к. те или иные явления искусства привлекают внимание прессы тогда, когда они представляют несомненный общественный интерес. Но если 1920-е гг. были отмечены яркими юбилейными статьями А. В. Луначарского, то начиная с 1930-х гг., литературно-юбилейная статья начинает приобретать трафаретно-канонизированный характер, что позволяет говорить о явной устойчивости и узнаваемости этого жанра в прессе последующих десятилетий. Непрерывный социально-обусловленный процесс идейного воздействия периодики осуществляется в эти годы и посредством функционирования всех без исключения типов газетных изданий, включая детскую и молодёжную прессу.

Как ненаучный тип публикации юбилейная статья о писателе отличается недостатком указаний на устоявшиеся авторитеты, что также не способствует активизации читательского сознания. Отсутствие ссылок на источник информации отделяет юбилейную статью о писателе от таких жанров, как научно-биографический очерк и литературный портрет [Borges, 2018, p. 774]. Хотя в газетной практике встречались случаи серьёзных, авторитетных, значительных и по объёму, и по текстовым параметрам публикаций филологов к юбилейным датам.

В целом, говоря о своеобразной деактуализации креативной памяти искусства (когда из толщи текстов выбирались лишь необходимые) советской эпохи, нельзя не учитывать и происходящий в те годы процесс актуализации авторитета русского писателя-классика XIX в., даже сквозь канву патриотических мифологем. Несмотря на все издержки политизации, советская эпоха в своей обращённости к писателям XIX в. закрепила право на существование в массовом сознании истинно высокого героя. При всех

проявлениях авторитарности обществу было необходимо позитивное восприятие культуры прошлого, и в процессе формирования определённого менталитета, специфического способа мировосприятия человека юбилейная статья сыграла свою значительную роль. Широкое распространение культурных мифов объясняется самой спецификой бытования жанра, а именно многократным использованием юбилейных материалов учителями на уроках литературы, при подготовке специальных выставок в библиотеках, музеях, домах культуры и других реалиях доперестроечной поры.

2.3 Перестроечная и постсоветская ситуации

В условиях развернувшейся перестройки СМИ претерпевают значительную трансформацию. Впервые за долгие годы перед ними открывается возможность открыто обсуждать проблемы и на основе анализа явлений общественной и политической жизни предлагать пути их преодоления. Публичность становится одним из инструментов борьбы за демократизацию, что приводит к резкому возрастанию авторитета журналистики.

Как знак протеста против жёсткой цензуры, начиная со второй половины 70-х гг., развивается оппозиционная по отношению к действующей власти пресса – среди первых нелегальных самиздатов стоит выделить «Меркурий», «Экспресс-хронику», «День за днём». Требование гласности вынуждает руководителей КПСС провозгласить деятельность И. В. Сталина, Н. С. Хрущёва и Л. И. Брежнева несостоятельной, однако по-прежнему незыблемой остаётся признание руководящей роли партии.

К середине 80-х гг. намечаются социальные, экономические и политические преобразования в стране. Административно-командная система управления экономикой обнаруживает свою очевидную неэффективность, в связи с чем в апреле 1985 г. М. С. Горбачёв выступает с предложением радикальных реформ, ключевым положением которых становится ускорение, тут же подхваченное пропагандой. Ускорять, по М. С. Горбачёву, нужно было,

в первую очередь, научно-технический прогресс [Согрин, 1994]. К освещению вопросов перестройки подключилось радио и телевидение. Большую популярность у аудитории приобрели такие программы, как «Прожектор перестройки», «О проблемах социальной справедливости», «В фокусе – проблема». Массу телезрителей собирали «Позиция» и «Взгляд». Пресса успех политического мероприятия видела в добросовестной работе и активности трудового населения. Общественное мнение было движущей силой всей перестройки [Залыгин, 1998].

Демократизация способствует и отказу от принципов «холодной войны»: «Генеральный секретарь заявляет о готовности договариваться. Совместно с США мы определили предмет и цели переговоров: не начинать гонки вооружений в космосе, прекратить её на Земле, приступить к радикальному сокращению ядерных вооружений, имея своей конечной целью их полную ликвидацию» [Беседа М. С. Горбачёва с редактором газеты «Правда», 1985]. Немаловажную роль в поиске путей доверия в отношениях с Западом играет радио, печать и телевидение. Новой формой передачи этого времени становятся телемосты. Вместе с тем КПСС всё ещё стремится сохранить за собой монополию на прессу.

Публичность даёт толчок к развитию представляемых ранее односторонне тем и сюжетов. Аргументированность журналистских тезисов возрождает интерес и доверие публики к печати. Происходит развенчание культа личности И. В. Сталина: «Сколько горьких воспоминаний выплеснулось вдруг: кто кого сажал в те годы, кто на кого доносил. А сколько добра и скота зазря погибло, и как по той причине грянул голод. И с казахстанской стороны, объятый массовым разорением, шли безземельные люди, пытавшиеся продать за кусок хлеба малых детишек. Всё вспомнилось вдруг, растревоженное случайным словом. И во всех тех напастях фигурировал он, Сталин» [Айтматов, 1988].

Впервые в печать возвращается творческая интеллигенция, покинувшая пределы страны в годы советской власти. Так, появляются произведения

И. А. Бродского, А. И. Солженицына, Н. С. Гумилёва, О. Э. Мандельштама, Е. И. Замятина: «Фактически Главлит вернул в открытый доступ всё, что с таким упорством скрывалось в течение всей его 75-летней деятельности. Однако не стоит думать, что таким образом цензура реабилитировала себя в глазах общества. Старая машина продолжала работать в прежнем режиме: осуществлялась политическая цензура в СМИ, прежде всего – на радио и телевидении» [Горяева, 2009].

Таким образом, до конца 80-х гг. институт СМИ являлся частью однопартийной политической системы. Несмотря на сложившиеся условия, печать продолжала своё развитие: заметно увеличился рост тиражей, возрос авторитет радио и телевидения. Сформировалась многопартийная журналистская система, демократическая печать.

Тотальная демифологизация конца 1980-х – середины 1990-х гг., характеризующаяся разрушением классического стереотипа о русском писателе-страдальце, борце за правду народную, сопровождалась вовлечением читателя в поток закрытых прежде имён. Изобилие и одномоментность появления их в коллективной памяти привело к непредсказуемой стёртости истинного интереса к ним, к новому шаблону массового восприятия, связанного с модой на немой набор имён: М. А. Булгаков, А. А. Ахматова, И. А. Бродский, – а благодаря скоротечности и доступности информации – к эффекту опять же демифологизации.

Культурным прецедентом «лихих 90-х» стал юбилей А. С. Пушкина. Именно он должен был поспособствовать уходу СМИ от низких тем и проблем, которые «на потребу» освещались в прессе. Преодолеть назревший культурный кризис отчасти мог авторитет личности поэта, однако абсолютная свобода и отсутствие цензуры свели на нет ценностно-ориентированную журналистику. СМИ забыли о своём фундаментальном предназначении. Рыночная экономика породила китчевые стратегии массовой коммуникации. Всё это обусловило примитивизацию и обесценивание культурного статуса юбилея А. С. Пушкина. Низкопробный контент был не в силах содействовать консолидации нации.

В юбилейных публикациях 90-х гг. А. С. Пушкин был представлен публике как поэт, знакомый каждому человеку той эпохи. Вот как начинается материал в газете «Аргументы и факты»: «Наивные, вы, наверное, тоже думаете, будто “Евгений Онегин” – роман в стихах. Отстали вы от жизни, отстали. Не были вы в Музее А. С. Пушкина на выставке “Пушкин как объект китча”. А то бы поняли, что “Евгений Онегин” – это набор ручек, ножей, рюмок, сорт пирожков и вид паштета» [Аргументы и факты, 1999, с. 3]. Благородная идея приближения А. С. Пушкина к массам в газетной практике выродилась в свою противоположность. Его идеи не укладывались в простые формулировки и поэтому отсутствовали как таковые. «Как много вмещает в себя этот Пушкин. Если он не поэт, а графин», – пишет «Литературная газета» [Литературная газета, 13 янв. 1999, с. 1]. О предстоящем юбилее далее говорится: «В праздновании этом нет соразмерности и сообразности» [Там же]. «Для меня, насколько помню, чуть не всякая мало-мальски осознанная мысль о Пушкине всегда начиналась с восчувствования дистанции», – признаётся корреспондент «Литературной газеты» [Литературная газета, 2 июня 1999, с. 1]. В следующем, 23-м номере акцент делается на расточительство при проведении масштабных торжеств: «Десятилетиями в стране день рождения Пушкина превращался в грандиозный праздник поэзии. О чём они думали? Может, о том, что денег, угроханных на праздник в масштабе страны, наверняка бы хватило для полного восстановления гончаровской усадьбы? Или не думали. Чёрт его знает, может, это действительно какой-то морок, наваждение: смотрели и не видели. Или же думали: праздник и Пушкин – отдельно, а это – отдельно... Вот какие мы были люди. Вполне возможно, что такими и остались. Не хотелось бы» [Литературная газета, 9 июня 1999, с. 5–7]. Как видим, сюжет об А. С. Пушкине не имеет ничего общего с личностью самого поэта.

Примечательно, что и в периодике 2000-х гг. встречаются юбилейные материалы, представляющие собой «ругательное слово». Подобным примером служит критическая статья «И свет и тьма», посвящённая 80-летию В. П. Астафьева. В ней литературовед С. С. Куняев рассуждает о судьбе

писателя и подлинном смысле его творчества. Не умаляя заслуг литератора, С. С. Куняев находит место и для упрёка: «Апокалипсическое чувство перехода из одного мира в другой оказалось поистине катастрофичным для Астафьева. Осталось одно желание – успеть как можно больше сказать, не заботясь о справедливости к современникам, правде жизни, милосердию к ушедшим. Отсюда мрачность и злость его последних вещей, исторические нелепости в многочисленных интервью и остервенелой публицистике. Чувство чужести мира, при всех благах, отваливаемых лично писателю, становится определяющим, заслоняет весь белый свет. И невдомёк было Астафьеву, что и сам он каждым своим словом добавлял каплю злобности и порочности окружающей атмосфере. Это не упрёк. Это попытка понять свершившееся с ним. А когда-то мир действительно был добрым и родным, и любовь Астафьева к нему была неподдельной» [Куняев, 2004].

В XXI в. юбилейная статья редко представляет собой пересказ биографии писателя. Как правило, она в новом ракурсе освещает известные события жизни литератора. При этом, в отличие от материалов предыдущих периодов, прослеживается опора на экспертность. Теперь текст – не просто мнение публициста, а настоящее исследование. Так, в 2019 и 2020 гг. выходят материалы, посвящённые гибели А. С. Грибоедова. В них авторы ставят перед собой задачу выяснить, что стало причиной трагической смерти российского дипломата. Таким образом, можно заключить, что на некоторых культурных и социальных ступенях функциональная заданность юбилейной статьи существенно меняется.

Выводы по главе 2

В XIX в. юбилейная статья является частью литературного самосознания. Зарождающаяся классическая литература начинает осознавать себя и пытается описать «в лицах». Очевидно, что в XX в. функции юбилейной статьи совершенно меняются.

Как известно, политика большевиков в области литературы 1920–30-х гг. базировалась на концепции завоевания классического культурного наследия как необходимой предпосылки развития пролетарской культуры. Советское государство устанавливало тотальную монополию на организацию и проведение праздников, в том числе и писательских чествований, которые становятся неотъемлемой частью повседневной жизни. Мифологизации духа коллективизма сопутствовал жанрово-стилистический канон юбилейной статьи, облегчающий взаимодействие и контакт разных культурных эпох посредством газетной полосы. Так общесоюзная социалистическая культура последовательно внедрялась в массы, становясь частью национального сознания этнических меньшинств и формируя их национальную идентичность.

В противовес традиционным народным праздникам, юбилеи в советскую эпоху захватывают общественную, политическую и идейную сферы жизни. Эксплуатация идеологического потенциала писательских годовщин достигает апогея после Октябрьского переворота, причём вследствие упразднения церкви граница между годовщиной смерти и рождения стирается окончательно. Именно с помощью периодической печати, задеиствовав также сферу науки, культуры и образования, организаторы юбилейных торжеств могли охватить широкую аудиторию.

Стремление государства отразить в праздновании того или иного юбилея приоритеты в формировании своего пути приводит к намеренному искажению исторической реальности, что прослеживается в фактах биографии юбиляра, оценке его вклада в литературу. В целом, говоря о динамике развития жанра юбилейной статьи, можно заключить, что форма развивается в направлении от биографии писателя (скорее не литературной, а общественно-политической, в случае несоответствия которой задачам эпохи либо не предполагается факта обращения как такового, либо создаётся мифологическое клише) к литературному портрету (конец 1970-х – начало 1980-х гг.). При этом допустимо существование собственно эссе и на ранних стадиях развития советской прессы, и в её постперестроечный период. Один из распространённых

типов культивации общественного сознания связан с созданием масштабной страничной подборки или спецполосы к юбилею.

Разумеется, писательский юбилей до сих пор является одним из наиболее важных культурных событий, свидетельствующих о высоком статусе литератора и значительно привлекающих интерес публики к его фигуре и творчеству. Тенденция к включению юбилейных жизнеописаний в контекст газеты в современном литературно-критическом процессе приобретает несколько иную жанровую форму, в условиях жёсткой конкуренции СМИ происходит трансформация и авторской нацеленности на контакт с читателем, и поля читательского ожидания, стремящегося к поиску новых акцентов в осознании знакомой информации, и к получению новых фактов, поступающих из литературоведческой науки. Через юбилейный механизм закладывается направление культурной жизни, а литература приобретает перспективы воздействовать на социокультурные процессы, участвовать в формировании общественного мнения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Юбилейная статья о писателе происходит от жанров, внутреннее содержание и облик которых предопределяется такими параметрами, как: право при выборе жанрового принципа, образующего структуру материала; фактологическая прозрачность сюжета и особый повествовательный ритм, при котором жизнь героя воспроизводится путём смены биографического и исторического планов.

Образ писателя в статье, как правило, интерпретирован её автором, а концепция характера героя материала определена таким образом, что он всегда кажется больше или меньше своей судьбы. Отправной точкой при создании сюжета становится новая информация о человеке: неизвестные ранее подробности его жизни или современные оценки в понимании его творчества.

Индивидуальность автора материала в юбилейной статье о писателе прослеживается на уровне стилистики (в том числе в приёмах, им использованных). Внутренний мир и авторское сознание публициста изображаются иногда не менее ярко, чем внутренний мир юбиляра. Именно по этой причине в юбилейных материалах можно обнаружить черты, присущие русской национальной критике в целом. Среди них: ориентированность на жизнь; острая социальная проблематика текстов; ориентация повествователя на широкие читательские круги; высокая публицистическая активность, связанная с убеждением необходимости изменить жизнь программированием реальности; хаотичность, экспромтность стиля, открытость, откровенность суждений.

Важной особенностью повествования оказывается наличие нескольких контекстов – судьбы, творчества, времени. Через обращение к культурной памяти жанр юбилейной статьи о писателе обладает способностью связывать прошлое и настоящее, одновременно регламентируя отношение к окружающему миру и ориентируя на будущее.

Инициаторами юбилейных торжеств могут являться университеты, органы власти, профессиональные сообщества. Важным становится то,

что кропотливый труд юбиляра всегда подчёркнуто значим и полезен для общества. Таким образом, одна из главных задач, стоящих перед авторами юбилейных публикаций, – показать, как богата история русской литературы. Несмотря на разнообразие материалов, собранные вместе статьи представляют собой целостную хронику о литературе, а её неизменная связь с историей, наряду с рассуждениями авторов о многосложности жизненных процессов, погружают читателя в общественно-политический контекст эпохи [Hohendahl, 2016]. Одни публикации не требуют от аудитории осмысленного перечитывания программных трудов и рассчитаны на массовое потребление, другие же, напротив, обращены к подготовленному читателю, т. е. носят узкоспециализированный характер. Очевидно, однако, что оба типа материалов рассчитаны на популяризацию русской словесности в целом и художественного творчества конкретного писателя в частности.

Обобщая сказанное, отметим, что юбилейная периодика XIX–XXI вв. обладает научно-просветительской (привлечение внимания к значимым для истории литературы фигурам и их произведениям, популяризация книги и чтения) и идеологической (воспитание нации через обращение к культурному прошлому, создание новых форм национальных идеологем) заданностью [Богач, 2019].

В перспективе дальнейшего исследования, для получения более полной картины трансформации жанра юбилейной статьи о писателе необходимо детально изучить динамику жанра на протяжении всего классического периода. Установить, как меняется структура и семантика такой статьи, что в жанре отмирает, а что развивается, проанализировать статистику юбилейных материалов по этапам, юбилярам, авторам статей и их типам, периодическому изданию. Применяв к полученному материалу метод дискриминантного анализа, можно рассчитать усреднённую точку класса текстов в жанре юбилейной статьи и определить его структурное ядро и периферию. Таким образом получится выявить, по каким формальным параметрам каждый рассматриваемый материал отличается от канона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Аверинцев, С. С. Ранневизантийский период / С. С. Аверинцев // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; ИМЛИ им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1984. Т. 2. – С. 339–348.

2 Айтматов, Ч. Т. Подрываются ли основы? [Электронный ресурс] / Ч. Т. Айтматов. – 1988. – URL: <https://goo-gl.me/qxYaZ> (дата обращения: 03.11.2021).

3 Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: Кучково поле, 2001. – 288 с.

4 Анисимова, Е. Е. В. А. Жуковский между двух юбилеев (1883–1902). Статья 1. Время юбилеев, пространство власти, механизмы конструирования поэтической биографии / Е. Е. Анисимова // Вестник ТГУ. Филология. – 2013. – № 4 (24). – С. 71–89.

5 Анисимова, Е. Е. Творчество В. А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века: монография / Е. Е. Анисимова. – Красноярск: СФУ, 2016. – 467 с.

6 Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Б. Н. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 328 с.

7 Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей / А. Ассман; пер. с нем. Б. Н. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.

8 Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

9 Ахмадулин, Е. В. История отечественной журналистики XX века: учебник / Е. В. Ахмадулин, Р. П. Овсеян. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2008. – 416 с.

- 10 Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
- 11 Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. / М. М. Бахтин. – М.: Русские словари, 1996. – С. 159–206.
- 12 Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
- 13 Берков, П. Н. Ломоносовский юбилей 1865 г. (страница из истории общественной борьбы шестидесятых годов) / П. Н. Берков // Ломоносов: сб. ст. и мат. Вып. II. – М., 1946. – С. 216–247.
- 14 Берман, Б. И. Читатель жития: Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия / Б. И. Берман // Художественный язык средневековья. – М.: Наука, 1982. – С. 159–183.
- 15 Беседа М. С. Горбачёва с редактором газеты. – Правда. – 1985.
- 16 Богач, Д. А. 200-летний юбилей А. С. Пушкина в печатной прессе и публицистике 90-х гг. сквозь призму идеологического и аксиологического измерения / Д. А. Богач // Челябинский гуманитарий. – 2019. – № 2 (47). – С. 7–13.
- 17 Бурдьё, П. Поле литературы / П. Бурдьё // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 45. – С. 22–87.
- 18 Вдовин, А. В. Годовщина смерти литератора как праздник: к истории традиции в России (1850–1900-е гг.) / А. В. Вдовин // Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв. / отв. ред. А. Graf. – Muenchen: UTZ Verlag, 2010. – P. 81–93.
- 19 Волошин, М. А. Лики творчества / М. А. Волошин; отв. ред.: Б. Ф. Егоров, В. А. Мануйлов. 2-е изд. – Л.: Наука, 1988. – 596 с.
- 20 Гаспаров, М. Л. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре / М. Л. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 384 с.

- 21 Геннеп, А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. – М.: Восточная литература, 2002. – 198 с.
- 22 Говорухина, Ю. А. Н. М. Карамзин в зеркале юбилейных статей: семиотика и прагматика образа / Ю. А. Говорухина // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2016. – № 3. – С. 89–99.
- 23 Горяева, Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 / Т. М. Горяева. – М.: РОССПЭН, 2009. – 407 с.
- 24 Добренко, Е. А. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Е. А. Добренко. – СПб.: Академический проект, 1997. – 321 с.
- 25 Добренко, Е. А. Политэкономия соцреализма / Е. А. Добренко. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.
- 26 Дубин, Б. В. Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре: сб. ст. / Б. В. Дубин. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 345 с.
- 27 Евтушенко, А. Г. Юбилей как социокультурный феномен: дисс. канд. культурологии / А. Г. Евтушенко. – М., 2012. – 169 с.
- 28 Екатерина II. Записки императрицы Екатерины Второй / Екатерина II. – М.: Орбита, 1989. – 70 с.
- 29 Есин, Б. И. История русской журналистики (1703–1917): учеб. пособие / Б. И. Есин. – М.: Флинта, 2009. – 463 с.
- 30 Жилиякова, Н. В. Два «литературных юбилея»: проблемы рецепции творчества русских писателей в провинциальной дореволюционной периодике / Н. В. Жилиякова // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1. – С. 65–70.
- 31 Жирков, Г. В. Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг.: монография / Г. В. Жирков. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. – 382 с.
- 32 Залыгин, С. П. Наступаем или отступаем? / С. П. Залыгин // Иного не дано: сб. ст. / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева; ред.-сост. А. А. Протачик. – М.: Прогресс, 1988. – С. 228–237.

33 Иванов, Д. Русские классики в советской Эстонии: случай Грибоедова / Д. Иванов, М. Тамм // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 2. – С. 182–209.

34 Ицкович, Т. В. Система жанров религиозного стиля в коммуникативно-прагматическом аспекте / Т. В. Ицкович // Studia Rossica Posnaniensia. – Poznań: Adam Mickiewicz University Press, 2019. – № XLIV/2. – P. 231–242.

35 Калачева, О. В. Формирование индивидуальной и коллективной идентичности в контексте неофициального праздника: на примере празднования Дня рождения в России советского и постсоветского периодов: дисс. канд. социол. наук / О. В. Калачева. – М., 2003. – 175 с.

36 Калугин, Д. Я. Русские биографические нарративы XIX века: от биографии частного лица к истории общества / Д. Я. Калугин // История и повествование: сб. ст. / под ред. Г. В. Обатнина, П. Песонена. – М., 2006. – С. 178–195.

37 Крылов, В. Н. Русская символистская критика (1890–1910-е гг.): генезис, типология, жанровая поэтика: дисс. д-ра филол. наук / В. Н. Крылов. – Казань, 2007. – 508 с.

38 Крылов, В. Н. Теория и история русской литературной критики / В. Н. Крылов. – Казань: Казанский университет, 2011. – 124 с.

39 Кузнецов, И. В. История отечественной журналистики (1917–2000): учеб. пособие / И. В. Кузнецов. – М.: Флинта, 2006. – 640 с.

40 Левитт, М. Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / М. Ч. Левитт. – СПб.: Академический проект, 1994. – 265 с.

41 Лотман, Ю. М. (а) Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. – Таллин, 1992. – С. 365–376.

42 Лотман, Ю. М. (б) Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. – Таллин, 1992. – С. 200–202.

43 Лупанова, Е. М. Роль юбилея 1865 г. в развитии исторической памяти о М. В. Ломоносове / Е. М. Лупанова // Ломоносовские чтения в Кунсткамере.

К 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. Вып. 1. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – С. 86–96.

44 Лямина, Е. Э. Крылов и многие другие: генезис и значение первого литературного юбилея в России / Е. Э. Лямина, Н. В. Самовер // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 3 (145). – С. 158–177.

45 Лямина, Е. Э. Крыловский юбилей 1838 года как культурный и идеологический феномен / Е. Э. Лямина, Н. В. Самовер // Транснациональное в русской культуре / отв. ред.: Г. Обатнин, Б. Хеллман, Т. Хуттунен. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – С. 6–83.

46 Магомедова, Д. М. Жанры лирики / Д. М. Магомедова // Теория литературных жанров: учеб. пособие / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М.: Академия, 2012. – 256 с.

47 Майков, В. Н. Стихотворения Кольцова / В. Н. Майков // Отечественные записки. – 1846. – Отд. V. – С. 1–38.

48 Мартин, Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин; пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 855 с.

49 Масловский, В. И. Историко-функциональное изучение литературы / В. И. Масловский, В. Е. Хализев // Литературный энциклопедический словарь. – Л.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 138.

50 Махонина, С. Я. История русской журналистики начала XX века: учеб. пособие / С. Я. Махонина. – М.: Флинта, 2016. – 240 с.

51 Межов, В. И. Юбилей Ломоносова, Карамзина и Крылова: библиограф. указ. книг и статей, вышедших по поводу этих юбилеев / В. И. Межов. – СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1871. – С. 35–56.

52 Мережковский, Д. С. Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Д. В. Filosofova с В. Я. Брюсовым (1910–1919) // Литературоведческий журнал. – 2005. – № 19. – С. 165–255.

53 Михайлова, М. В. Литературная критика: эволюция жанровых форм / М. В. Михайлова // Поэтика русской литературы XIX – нач. XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 620–704.

54 О чествовании памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского (от Училищного совета при Св. Синоде) // Церковный вестник. – 1902. – № 7. – С. 202.

55 Овсепян, Р. П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов): учеб. пособие / Р. П. Овсепян; под ред. Я. Н. Засурского. – М.: МГУ, 2005. – 352 с.

56 Отрадин, М. В. Гончаров в юбилейной литературе 1912 года / М. В. Отрадин // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. – С. 639–671.

57 Пасевич, З. В. Литературная критика на страницах газет «Русского Харбина» / З. В. Пасевич // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 6. – С. 42–48.

58 Пильд, Л. Л. Table-talk Полонского и юбилей Фета / Л. Л. Пильд // Статьи на случай: сб. к 50-летию Р. Г. Лейбова. – Тарту: Рутения, 2013. – С. 105–110.

59 Подлубнова, Ю. С. Юбилей писателя как событие литературной жизни среднего Урала / Ю. С. Подлубнова // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 1 (34). – С. 118–121.

60 Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. Т. II. 1744–1745. – СПб.: Синодальная тип., 1907. – 476 с.

61 Полонский, В. В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст / В. В. Полонский. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – 472 с.

63 Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: ЛГУ, 1946. – 340 с.

64 Прохорова, И. Е. (а) К 250-летию И. А. Крылова. Юбилейное чествование писателя и журналистика в России: ab ovo / И. Е. Прохорова // Русская литература и журналистика в движении времени. – 2019. – № 1–1. – С. 227–242.

65 Прохорова, И. Е. (б) Первое писательское чествование: проблема освещения юбилея И. А. Крылова в русской прессе / И. Е. Прохорова // МедиаАльманах. – 2019. – № 6. – С. 106–125.

66 Рейтблат, А. И. Как Пушкин вышел в гении: историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи / А. И. Рейтблат. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 336 с.

67 Рейтблат, А. И. Писать поперёк: статьи по биографике, социологии и истории литературы / А. И. Рейтблат. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 416 с.

68 Сарычева, К. В. Литературный юбилей А. А. Фета 1889 г. / К. В. Сарычева // Текстология и историко-литературный процесс: сб. ст. – М.: Буки Веди, 2016. – С. 105–116.

69 Согрин, В. В. Политическая история современной России. 1985–1994. От Горбачёва до Ельцина / В. В. Согрин. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 192 с.

70 Солдаткин, В. Е. Личностный юбилей как социокультурное событие: монография / В. Е. Солдаткин; отв. ред. Н. Г. Апухтина. – Челябинск: ЧГАКИ, 2014. – 157 с.

71 Тюпа, В. И. Генеалогия лирических жанров / В. И. Тюпа // Известия ЮФУ. Филологические науки. – 2012. – № 4. – С. 8–31.

72 Хандарова, О. В. Литературная репутация как литературоведческая категория / О. В. Хандарова // Вестник КГУ. – 2018. – № 1. – С. 106–108.

73 Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. – 2000. – № 1 (8). – С. 47–62.

74 Цимбаев, К. Н. Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических

целях / К. Н. Цимбаев // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом. – М.: ВШЭ, 2012. – С. 475–498.

75 Черняк, М. А. Литературный юбилей как форма культурной памяти в современной России: случай Всеволода Иванова / М. А. Черняк // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 3. – С. 27–36.

76 Щеглов, И. Л. Подвижник слова. Новые материалы о Н. В. Гоголе / И. Л. Щеглов. – СПб.: Мир, 1909. – 183 с.

77 Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 343 с.

78 Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / под ред. А. Вдовина, Р. Лейбова. Тарту, 2013. – 346 с.

79 Borges, R. P. Writing on Self, Writing on the Other: Literary Journalism as Theoretical Parameter for the Biographical Genres / R. P. Borges // Brazilian Journalism Research. – 2018. – № 14 (3). – P. 774–797.

80 Brooks, J. Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics / J. Brooks // Nation and Ideology: Essays in Honor of Wayne S. Vucinich. – Boulder: Columbia University Press, 1985. – P. 315–334.

81 Edy, J. A. Journalistic Uses of Collective Memory / J. A. Edy // Journal of Communication. – 1999. – № 49 (2). – P. 71–85.

82 Hohendahl, P. U. The Institution of Criticism / P. U. Hohendahl. – New York: Cornell University Press, 2016. – 287 p.

83 Shin, B. Inventing a National Writer: The Soviet Celebration of the 1948 Alisher Navoi Jubilee and the Writing of Uzbek History / B. Shin // International Journal of Asian Studies. – 2017. – № 2. – P. 117–142.

84 Waller, P. J. Writers, Readers, and Reputations: Literary Life in Britain 1870–1918 / P. J. Waller. – Great Britain: Oxford University Press, 2008. – 1194 p.

85 Zandberg, E. Past Continuous: Newsworthiness and the Shaping of Collective Memory / E. Zandberg, O. Meyers, M. Neiger // Critical Studies in Media Communication. – 2012. – № 29 (1). – P. 65–79.

86 Zelizer, B. Covering the Body: The Kennedy Assassination, the Media, and the Shaping of Collective Memory / B. Zelizer. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – 307 p.

Приложение А Список периодических изданий

1 Аргументы и факты. Май 1999. № 19 (968). Пушкин в шоколаде. М. Варденга. С. 3.

2 Вестник Европы. СПб., март 1866. Т. I. Раздел III: Историческая наука. Вестник Европы до 1830 года. С. 16–22.

3 Вестник Европы. СПб., 29 янв. 1883. Т. I. Столетний юбилей рождения В. А. Жуковского, 29 января 1883 г. М. М. Стасюлевич. С. 468–472.

4 Вестник Европы. Март 1889. Том II. Книга 3. Раздел VII. Новый литературный юбилей. А. А. Фет, Вечерние огни. К. Арсеньев. С. 248–264.

5 Вестник Европы. Янв. 1902. XIV. Письма Н. В. Гоголя. С. 392–396.

6 Газета Гатцука. Т. V. № 4. 27 янв. 1879. А. С. Грибоедов. С. 60–61; Перед юбилеем Грибоедова. Д. Языков. С. 61–62.

7 Исторический вестник. Март 1889. Раздел XV. Юбилей А. А. Фета. С. 770–771.

8 Литературная газета. 4 марта 1952. № 28 (2901). На 38 языках. С. 1; Уничтожающий смех. Д. Заславский. С. 2.

9 Литературная газета. 13 янв. 1999. № 1–2 (5728). Орден для Пушкина. В. Радзишевский. С. 1.

10 Литературная газета. 2 июня 1999. № 22 (5745). Пушкин – другой... С. Аверинцев. С. 1; Создатель языка русской культуры. Д. С. Лихачев. С. 1.

11 Литературная газета. 9 июня 1999. № 23 (5745). Банкетные люди. С. Баймухаметов. С. 5.

12 Московские ведомости. 1 апр. 1865. № 71. Ломоносовский день (письмо к фельетонистам Московских ведомостей). Читатель. С. 3.

13 Московские ведомости. 13 апр. 1865. № 78. Ломоносовский день в Москве; Речь на поминавание М. В. Ломоносова; Очерк состояния России в эпоху деятельности Ломоносова. С. 2–3.

14 Московские ведомости. 17 дек. 1866. № 266. Карамзинский юбилей в Харькове. Юбилей Карамзина в Новочеркасске. Юбилей Карамзина в семейном кругу. С. 2.

15 Новое время. 27 авг. 1908. № 11659. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом в шестидесятых годах. В. А. Гольцев. С. 6–12.

16 Новое Время. 31 янв. 1909. № 11814. Из последних лет жизни А. С. Грибоедова. Н. В. Ш. С. 5–7.

17 Новое Время. 21 марта 1909. № 11862. На родине творца «Мёртвых душ». Ф. П. М. С. 6–11.

18 Русская мысль. Март 1889. Книга III. Раздел XVIII. Очерки русской жизни. XXXIII. Н. Ш. С. 190–208.

19 Русская мысль. 1901. XIX. Несколько слов памяти И. А. Гончарова. Ю. Альд. С. 229–241.

20 Русская мысль. Книга IV. 1902. XVII. О Гоголе и о посвящённых ему стихотворениях. В. Каллаш. С. 183–185.

21 Русская старина. 27 янв. 1883. Раздел IX. Василий Андреевич Жуковский. Столетняя годовщина дня его рождения. П. А. Висковатов. С. 181–192.

22 Русская старина. 1905. № 4. Почему Греч и Булгарин не были на празднестве И. А. Крылова. Из архива Ф. В. Булгарина. С. 201–203.

23 Русское слово. СПб., март 1865. Отд. III. № 3. Юбилей Ломоносова и новый устав Академии наук. С. 47–50.

24 Саратовский листок. 6 июня 1912. № 121. Загадочный писатель. В. Лобанов. С. 2.

25 Северная пчела. 8 февр. 1838. № 32. Внутренние известия. В Санкт-Петербурге, 2 февраля 1838 года. О.В. С. 125–127.

26 Северная пчела. 12 янв. 1845. № 9. Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове, новый взгляд на характеристику его сочинений (окончание). Ф. В. Булгарин. С. 54–56.

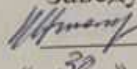
27 Дмитриев С. Страсти по Грибоедову [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://goo-gl.me/f3tjX> (дата обращения: 06.05.2022).

28 Князев С. «Настоящий героизм»: как погиб русский дипломат и драматург Александр Грибоедов [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://goo-gl.me/CN8jJ> (дата обращения: 25.04.2022).

29 Куняев С. С. И свет и тьма (к 80-летию писателя Виктора Астафьева) [Электронный ресурс]. 2004. URL: <https://goo-gl.me/vDBAn> (дата обращения: 21.02.2022).

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра журналистики и литературоведения

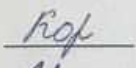

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
 К. В. Анисимов
« 30 » марта 2022 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

ЮБИЛЕЙНАЯ СТАТЬЯ О ПИСАТЕЛЕ: ИСТОРИЯ И ДИНАМИКА
ЖАНРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПЕРИОДИКИ XIX–XXI ВВ.)

42.04.02 Журналистика

42.04.02.02 Медиатехнологии и менеджмент средств массовой информации

Руководитель		д-р филол. наук, доц.	Е. Е. Анисимова
Выпускник			В. Е. Коровкина
Рецензент		канд. филол. наук	В. В. Чекушин
Нормоконтролёр		ст. преп.	Д. А. Устюжанина

Красноярск 2022